

М. ВЕЛЛЕР

ПРИКЛЮЧЕНИЯ МАЙОРА ЗВЯГИНА

Приключения майора Звягина

Михаил Веллер

Приключения майора Звягина

«АСТ»

1991

Веллер М. И.

Приключения майора Звягина / М. И. Веллер — «АСТ»,
1991 — (Приключения майора Звягина)

ISBN 978-5-17-044395-6

В этой книге много тайн, и все они раскрываются на удивление просто. Во-первых, Звягин – не майор. Ну – бывший майор. Во-вторых, приключения его – никакие не приключения. Эта книга – «наука побеждать» и добиваться любой поставленной цели в наших обыденных условиях. Человек может все – вот неотразимая идея романа. Может переломить судьбу, стать любимым и счастливым, преодолеть даже смертельный недуг. За пятнадцать лет общий тираж «Звягина» приблизился к миллиону.

ISBN 978-5-17-044395-6

© Веллер М. И., 1991

© АСТ, 1991

Содержание

Вместо пролога	5
Глава I	17
Глава II	26
Глава III	41
Глава IV	55
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Михаил Веллер

Приключения майора Звягина

«Делай что должен, и будь что будет».

Рыцарский девиз

«Надежда в Бозе, а сила в руке».

Надпись на клинке гетмана Мазепы

Вместо пролога

Своя рука – владыка

– Леня, ты совсем не интересуешься перестройкой, – упрекнула жена из-под вороха газет, в то время как телевизор сулил крушение Ленинграда по всем статьям вплоть до кислородного голодания.

– Да, – флегматично согласился Звягин, – я совсем не интересуюсь перестройкой. – Он перелистнул атлас кошек, изданный в ГДР, которая ныне уже не существовала. – Ты знаешь, чем отличается сиамская пуховая от сиамской короткошерстной?

– Ты аполитичен! – с негодованием констатировала жена.

– Я аполитичен, – кротко кивнул Звягин, любуясь кошачьим портретом.

– А в газетах пишут...

– Я знаю, что пишут в газетах.

– Что же?

– Все то же.

– А именно?

– Что жрать нечего. Что Союз разваливается. Что экономика впадает в столбняк. Что выгоны не разгружены, депутаты продажны, прошлое трагично, будущее мрачно, а вообще я не люблю коллективных неврозов.

– А что ты любишь? – поинтересовалась жена.

– Чтобы было интересно. И лечить людей. Первое – от характера, очевидно, второе – от профессии.

– А это тебе не интересно?! – и она, с характерными интонациями учительницы с двадцатилетним стажем, стала читать о благополучном пенсионерстве палача, пытавшего Вавилова.

– Я бы его убила! – с прямой звенящей юности отчеканила дочка, появившаяся в дверях.

– М-да? – зевнул Звягин. – И как же бы ты его убила?

– Расстреляла!

– Из чего? Из косметички?

Всклубился легкий семейный спор о преступлении и наказании, причем насколько агрессивна и непримирима была женская часть семьи, что школьница, что школьная учительница, настолько же добродушен и покладист был муж и отец семейства.

– Можно подумать, ты не носил офицерскую форму!

– Что выдавали, то и носил.

– Как ты можешь, с твоим равнодушием к людским страданиям, быть врачом!

– Легко и беззаботно. Тут главное – хорошо выспаться, – и Звягин поднялся с любимого дивана и проследовал в спальню. – Жду жену с первым дилижансом! – крикнул он оттуда.

Утром, вскочив бесшумно (разминка, душ, кофе – было воскресенье, и домочадцы отсыпались), он перелистал газеты, пробежал давешнюю заметку и задумался коротко: в глазах проявлялась улыбка угрюмая.

На «скорой», если воскресенье выпадает на середину месяца и погода приличная – чтоб меньше автослучаев, можно и расслабиться слегка: в свободное время, давно зафиксировано, людям реже требуется срочная медицинская помощь. Судачили – надоело:

– У «Гостиного» болгарские по три ре пачка – всегда...

– И чуть не сотня случаев по городу – потравились все этим узбекским виноградом.

– Продовольственные поставки в рамках джихада!..

– Я все понимаю, но почему шапок-то нигде нет!..

– И что поразительно: бензина нет – а автослучаев больше...

Выехали на вызов, шофер музыку врубил, фельдшер подремывал в салоне – молод, явно нажрался вчера, в субботний-то вечер, несмотря на дефицит спиртного; дефицит женщин ему, судя по темпераменту, слава Богу, не грозит.

– Гриша, – обернулся Звягин, – ты знаешь, что в старые времена говорилось: врач не стал врачом, пока не заполнил своими пациентами кладбище?

– То-то на кладбище очереди, – отозвался Гриша. – И это еще врачей не хватает.

Помолчав, Звягин ответил не совсем понятно:

– Каждому – свое место, – сказал он.

– И свое время.

– Точно, – сказал шофер.

Завизжали виражом под Охтинский мост.

– Увольняясь из ГБ, они меняли фамилии, – сказал Звягин, но на самом деле не произнес вслух, а лишь подумал. Любое лишнее слово нам ни к чему.

Отработав и вернувшись на станцию, плюхнулся в продавленное кресло под окном и скрестил вытянутые ноги: «Основа действий что? – план. Основа плана что? – информация. Основа информации что? – утечка на стыках. Податливые звенья кто? – клиентура. Лучшая клиентура кто? – женщины, разумеется. Так, майор, а теперь проведем археологические раскопки в нашей богатой и замусоренной памяти».

Лишь через сутки, дома, облюбовав страницу в записной книжке, пухлой, как батон, и тяжелой, как граната, он набрал телефонный номер:

– Татьяна Ильинична? Доктор Звягин беспокоит. Как здоровье? Это в порядке вещей... Достанем, какой разговор... Нет, просто так, ничего не нужно. От чайку никогда не отказывался. Свободен. Завтра в семь, так точно.

Посвистел «Турецкий марш», позвонил еще раз:

– Саша? Слушай, есть разговор. Да, ты упоминал как-то... Не телефонный, безусловно. А чего откладывать.

Еще пара звонков, и он заходил по ковру взад-вперед, сунув руки в карманы и удовлетворенно хмыкая; хмык получался с каким-то металлическим холодным мурчанием.

– Я об тебя руки марать не буду, – ласково пообещал кому-то Звягин. – Я тебя ножками стопчу. В пыль! Понял?..

Лицо его приняло выражение спокойной сосредоточенности, как у рулевого на штурвале, выцелившего точку курса на горизонте.

Татьяна Ильинична, отцветшая блондинка, принимала его в небольшой респектабельной квартирке – полуделовой, полубудуаре хорошо пожившей дамы.

– Какие цветы! Узнаю гвардию. Офицеры и джентльмены – это одно и то же.

Пили французский коньяк крохотными глоточками и цейлонский чай: говорили легко, с игривостью, на подтексте не существующего, но как бы не исключаемого флирта.

– Благодарю, – приняла она две упаковки регипнола. – Только хорошее снотворное может гарантировать хороший сон в наше время и в моем возрасте.

Звягин отвесил комплимент.

– Так чем могу отслужить в свою очередь? – осведомилась хозяйка с весомостью сильного человека, привыкшего выигрывать по правилам игр этого мира.

– Когда-то был я лейтенантом, – сказал Звягин, – и влип по молодости и неводержанности языка в скверную историю.

– Где и когда это было? – быстро спросила Татьяна Ильинична.

– И мне крепко помог один человек из вашего ведомства.

– Вот не знала о ваших делах с госбезопасностью.

– Недавно я наткнулся на его фамилию в газете. Причем в отрицательном смысле.

– Кто ж сейчас положительно отзывается о КГБ.

– Поскольку по характеру своему я не люблю собак, пинающих дохлых львов...

– Порядочным офицерам это свойственно.

– ...я бы хотел именно сейчас поблагодарить этого человека, уже старика, пенсионера, за сделанное им добро. Чтоб не считал всех подонками. Не люблю сливаться с обществом.

– Узнаю ваши капризы... – сощурилась Татьяна Ильинична.

– Не люблю ничего недоделанного, – ответил Звягин.

– Кто желает, но не действует, тот плодит чуму. Не знаете, кто это сказал? Вильям Блейк.

– Мне бы ваше образование.

– Как его фамилия?

– Тогда его фамилия была Хват.

Она чуть шевельнула бровью.

– В звании полковника или подполковника, очевидно.

– О нем сейчас стало известно много неблагоприятного. Если правда то, что пишут, – преступного даже.

– Меня это не касается!

Отпили чай. Она задымила тонкой американской сигареткой.

– Но я не работаю ни в кадрах, ни в архиве, милый Леонид Борисович.

– Простите, если это невозможно – вопрос снят.

– Ну... вовсе уж невозможного ничего нет.

Звягин, отведя как бы в задумчивости взгляд, повернул лицо в наивыгоднейший ракурс, подчеркивающий резкость черт, квадратность подбородка и холодную прозелень глаз.

– Экий вы голливудский киногерой. Так бы и врезалась по уши... да с вами ведь это безнадежно.

Махнула рукой, рассыпала смех.

– Вы не торопитесь? Достаньте-ка во-он ту бутылочку из бара. А просьба ваша – какая ерунда, попрошу из отдела послать запрос. Послушай, Звягин, – перейдя на ты, взглянула с нагой прямоотой, – я тебе нравлюсь?

Звягин мурлыкнул металлически и звякнул бокалом.

«Захотелось мартышке любви со слоном, тут-то она и лопнула, – попомнил он детский анекдот, выходя из ночного подъезда. – Есть и другой анекдот: “Так что, и это не помогло, спросил у дамы парень в белом халате; ну, тогда вам и вправду нужно доктора; а мы кто? да бригада маляров, работаем тут...” На что только не пойдешь ради торжества справедливости», – съязвил он над собой.

Второй вопрос решился гораздо проще; да в наше время ничего особенно сложного в нем нет.

Саша, интеллигентнейший хрупкий молодой человек, встретил его милой улыбкой и рукопожатием тонкой маленькой руки – деревянными тисками каратэиста; Звягин с трудом пережал эту ручку и удовлетворенно крикнул.

– Мама только что спекла прекрасный торт. Торты – это ее слабость, хотя сейчас удовлетворять эту слабость все труднее, – словоохотливо и приязненно сыпал он. – Знаете, что такое торт «Горбачев»? То же, что наполеон, только без яиц, без сахара, без масла и без муки. Вы как – посидим на кухне или у меня?

Сели в его мужской комнате – квадросистема, книги, нунчаки.

– Ты говорил, что есть возможность кое-что устроить.

– В смысле?

– Время опасное.

– А. Пожалуйста. Что вас интересует?

– По-прежнему все есть?

– Ну, знаете, за гаубицу не ручаюсь, но насчет базуки, скажем, можно постараться.

– Ну, это чересчур.

– Баллончик «черемухи» – для вас двести пятьдесят. Фирменный немецкий – четыреста. Или хотите газовый пистолет? – две тысячи, маленький, легкий, выброс пятнадцать метров.

– Чуть бы понастоящее.

– Да вот как раз можно «Кольт-магнум 53». Три с половиной.

– Это ж слонобой, тринадцать миллиметров.

– И прекрасно! Выкинет человека сквозь дверь на лестничную площадку.

– А грохоту?

– И прекрасно! Страху наведет.

– Пули с мягким кончиком?

– Не знаю этих подробностей. К нему пятьдесят патронов, по пять рублей штука.

– Что-нибудь скромнее. И компактнее, пожалуй.

– Так, может быть, Макаров? Это возможно.

– А еще поскромнее?

– Ну, я думаю, спортивный вас не устроит?

– Хотелось бы чуть получше и посерьезнее.

– Гм. Так давайте определим, что вам требуется. Пистолет карманной носки, компактный, достаточно серьезный, без лишних эффектов. Патронов много нужно?

– В крайнем случае и обоймы хватит.

– То есть эта проблема снимается. Тем лучше... Вы ешьте торт, а то кофе остыл уже... подождите, я сейчас сварю новый.

– Не надо, обожаю прохладный.

Саша пожевал торт, чуть покрутил задумчиво подвижным, тонкой лепки личиком.

– Тогда, я думаю, вам вполне подошла бы «беретта» или что-то в этом духе.

– Подошла бы.

– Калибр 6,35, звук несильный, начальная скорость прекрасная, габариты и вес подходят, классическая модель, даже канонизирована в литературе.

– Пойдет.

– Хорошо. Насколько это срочно?

Звягин пожал плечами:

– Жизнь наша; обычный ответ на вопрос: «Когда должно быть сделано?» – «Вчера».

– Ну, у нас не социалистическое хозяйство. А серьезно?

– За недельку сможешь?

– Не уверен. Вот за три могу ручаться. А возможно и раньше. Понимаете, я ведь сам, строго говоря, этим не занимаюсь, только так, для друзей. А человек, который этим занимается,

мой школьный друг, кстати, в одном дворе росли, вот как-то старые отношения и сохранились, мне он всегда все устроит, сам предлагает, он сейчас в отъезде, как только вернется, мы с ним свяжемся. Понимаете, Ленинград ведь, оказывается, главный перевалочный пункт, через который поступает из забугорья оружие для армянских боевиков. Поэтому есть возможность все доставать, но как бы не совсем регулярно. Да, так если в смысле цены, я всегда готов вам помочь.

– Сколько?

– «Узи» сейчас стоит семь с половиной, Калашников – пять. Это, я думаю... а если будет что-то малотирическое – оно дешевле, потому что патроны трудно достать, но если вас устроит всего одна обойма, но что-то вполне надежное, разумеется, – подойдет?

– Вполне. Но проверить надо.

– Естественно, качество – само собой.

– «Беретта», я думаю, должна стоять где-то от полутора до двух с половиной. А что-нибудь ушедшее с производства, но вполне в рабочем состоянии – браунинг номер два, три, скажем, или зауэр, или еще что, – могут и за одну по случаю отдать, с одной-то обоймой. К «узи», скажем, сейчас по пятьдесят рублей патрончик.

– Договорились.

– Как только что-то будет – я вам сразу позвоню.

«Вот зачем нужны доходы от частной практики – шпалеры покупать», – хмыкнул про себя Звягин.

– Как твоя челюсть? – спросил он.

– Спасибо большое, вроде нерв больше не беспокоит. Так что остаюсь вашим должником.

– А глушителями вы не занимаетесь?

– Оу, – Саша поднял руки, – это не по моей части. Глушители там запрещены законом, ведь честному человеку, равно как и полиции и армии, своей пальбы стесняться не надо, только для спецслужб, этого у нас даже не идет. Делают сами вообще, но вот тут, боюсь, я вам помочь не смогу.

– Да я знаю, – сказал Звягин, – так, на всякий случай.

По улице несло дивную питерскую промозглость, сумерки закручивались метлой, и, войдя в служебную проходную театра, Звягин отер с лица холодную тонкую влагу.

– Мне начальника реставрационных мастерских, – наклонился к стеклянному окошечку вахтерши, – Сыркова.

Она подняла очки от вязания:

– Местный его телефон знаете? – подвинула аппарат и протянула ему трубку. – Вроде был у себя.

Сыров, скандинавистый шкиперюга – лысина, борода, свитер на груди лопается – сграбастал его, отодвинул, огладил любовно льдыстыми немигающими голубыми глазами, неожиданно-опасноватыми на рыжем добром лице.

– Ну, Ленечка, – рокотнул, – с чем пожаловал? Неужто просто так?

– Здор-рово, Владлен! Имя менять не собираешься?

– Только на водку!

В начальническом закутке за мастерскими Звягин поиграл бутафорскими мечами и пистолетами. Сыров спросил о семье, пыхнул голландским табачком, похвастался очаровательным тяжелым револьверчиком, сделанным под малокалиберный патрон:

– Хочу к нему еще цельную обойму сделать, – вывалил барабан вбок.

– Слушай, сделай мне автомобильный номер.

– Чего это ты? Банк грабить собрался?

– Да нужно.

– Сделать-то несложно... А на что он тебе? Ты что, Ленечка, никак с рэкетирами связался?

– Влад, – ну надо. Считай, пошутить над приятелем.

Влад пронизывал немигающе голубыми льдинками удава; рокотал:

– Забавно, Лешунька, этим я еще не занимался. Из интересу можно попробовать. А что, сам не можешь? Я объясню как, дам материалов.

– У меня так не получится. Лучше я вас лечить буду.

– А иначе уж и не будешь?

– Всяко буду, – улыбнулся Звягин, настраиваясь на его тон.

Влад выдул из легких ароматный сноп «Клана».

– И размеры уж, поди, с собой готовы?

Звягин протянул ему бумажку с чертежиком.

– Так. Ясно... Правильно... Ну, допустим... А номер тебе какой?

Звягин зевнул безмятежно:

– Еще не придумал. Придумаю – позвоню.

– Ладно, – обдал радушием Влад. – Уж если Звягин просит – сделаем. Лучше настоящего.

Но, Леня, я надеюсь...

– И не вздумай волноваться. Мое слово!

Дома у Звягина, несмотря на его неизменную доброжелательную невозмутимость, что-то зачуяли: не то биотоки из него какие-то исходили, не то угрюмая боевая улыбка прорезалась то и дело в глубине глаз, как перископ подлодки.

– Похоже, и тебя достала действительность, – не без известной насмешки посочувствовала жена.

– Отнюдь. Я ее сам достану, – пообещал Звягин.

Вечером он достал с антресолей две коробки с фотографиями, весь семейный архив, и они втроем перебирали желтеющие реликвии кочевой биографии:

– Ой, папка! Какой ты был стройный лейтенантик, прямо смерть гимназисткам.

Документную фотографию в повседневной майорской форме Звягин сунул в карман. «Правда, петлицы десантные. Но ведь могут быть любые. Так, теперь осталось всего лишь найти хорошего художника... не столько живописца, сколько – кого надо. Ну, Таня-Танюшка, Татьяна трах Ильинична, уж не подведи, старая боевая лошадь... а то ведь повешу, на твоём же крючке от твоей же люстры и повешу, недрогнувшей рукой и на ненамышленной веревке... и хрен дознаются, вот что забавно».

– А теперь – впер-ред, хр-ромоногие! – скомандовал он офицерским рубленным рыком.

– А?! – подпрыгнула жена.

Дочка захохотала, посмотрела на часы и пошла в туалет.

«А слесаришка мне, пожалуй, и не нужен. Разовый глушитель можно и из чертежной бумаги склеить... или капустной кочерыжки вырезать. Эт мы сами с усами, сообразим... Кстати, насчет усов... усы? А что, сейчас каждый третий с усами... театральный магазин, или те же мастерские... только уже не Влад, нет».

Старая боевая лошадь Ильинична сработала первой, – и то сказать, ведомство серьезное:

«Березницкий Яков Тимофеевич, г. р. 1918, прож. г. Москва, Кутузовский пр., д. 84, кв.19, т. 243–48–70. Пер. пенс. союз. зн.»

Яшенька, значит, ибн Тимофеич. Перпенс, значит. Аж союзного значения... нерушимый республик свободных... тресь – и в дамках. Я т-тя научу родину любить. Молилась ли ты на ночь, Дездемона. Понял, Миша? – вычеркиваю.

И в подтверждение вычерка протрещала телефонная очередь:

– Леонид Борисович? – милейший тенорок. – Ну, кажется, есть то, что вам нужно. Так что заезжайте, когда вам удобно. Но лучше не откладывать.

А зачем нам откладывать.

Звягин раскрыл блокнот и выбрал один из своих рабочих дней посреди недели. Вот накануне с Джахадзе или с Заможенко на этот день и махнемся, а фамилия в графике пусть останется. Билеты на «Стрелу».

...Из «Красной стрелы» он вышел отдохнувший, выспавшийся, весело-спокойный среди мрачноватого и суетного московского люда.

Клиент был на месте, это он знал, потому что вчера позвонили Березницкому, мягкий женский голосок из регистратуры его поликлиники, поинтересовались для уточнения, когда он последний раз проходил флюорографию.

Сдав сумку с кое-каким барахлишком, купленную на один раз в комиссионке, в камеру хранения, он спустился в метро и поехал на Кутузовский. Прошел по противоположной стороне мимо нужного дома, прикидывая место парковки машины. Потом поехал в Ясенево и шлялся там, пока не нашел то, что требовалось: стройку на отшибе за забором; запомнил приметы дороги, вернулся в центр, поймал за пятнашку частника и велел ехать туда, проехав сначала по Кутузовскому, а сам сверялся с картой Москвы и фиксировал путь.

После чего со вкусом и демократизмом пообедал в «Мак-Доналдсе» и отправился в кино, дабы занять время. Нервы, судя по всему, у Звягина отсутствовали напрочь.

В полутьме уже он вернулся на Ленинградский вокзал, забрал свою сумку и в туалете совершил небольшой шпионский маскарад: наклеил черные усики, натянул и приладил вороной парик и увенчал его кепарем-аэродромом. Пойдет.

На стоянке такси волновалась толпа, а в стороне нисколько не волновались таксисты. Звягин сделал жест, и шофер приоткрыл стекло:

– Куда? – с неприязненным равнодушием спросил он, не глядя.

– Шереметьево-два, – с тем же равнодушием бросил в сторону Звягин.

– Полтинник, – сказал шофер.

– Знаю, – упало в сторону следующее слово.

– Садись.

– Открывай. – Последнее слово всегда за мной будет, животное. Я тебе покажу полтинник. Я его тебе в такое место воткну, что институт микрохирургии глаза не выковыряет.

Шофер небрежно курил «Мальборо».

– Здоровье портишь, – без уважения к чужому жалкому достатку сказал Звягин и приоткрыл форточку, устроив сквознячок.

– Дует, – сказал шофер.

– Я тебе плачу, – сказал Звягин. – Сначала на минутку к Ленинградскому рынку, вещи забрать. Дом я покажу.

– За простой – отдельно.

– Конечно, – сказал Звягин.

На Красноармейской он указал подходящий дом, велел стать у подъезда:

– Багажник открой сразу.

Пару минут провел в подъезде. Вполне подходяще. И лампочка не слишком яркая, и мочой пахнет.

– Слушай, друг, – вышел он растерянно, – его дома нет, помощи, пожалуйста, телевизор снести... одному никак не взять, и время в обрез.

– Какой? В багажник не влезет.

– Влезет! Как не влезет? – уверил Звягин. – Японский, не такой большой, но взять неудобно.

– Да я, в общем, не грузчик, – в сомнении отказался шофер.

– Еще пятнадцать рублей плачу, – нервно попросил Звягин.

– Поможем, – вылез шофер.

Войдя в подъезд, по всей логике ситуации, первым, Звягин жестко – конь копытом лягнул! – ударил его локтем под ложечку. Шофер согнулся и замер, распялив рот и выпучив глаза. Примерившись и успев пожалеть, что рукав куртки смягчит удар, Звягин локтем же, сверху, врубил ему – к-ха! – чуть левее темени. Послышался вполне деревянный стук, шофер обмяк и свалился на бок. «В десанте служили мы крылатом, а тут нельзя не быть орлом! – тихо пропел себе под нос Звягин. – Как это называлось там? а, – с расчетом кратковременного рауша. Кратковременного не кратковременного, а полчасика отдохнет. Достаточно».

Он быстро сволок шофера по ступенькам к двери в подвал, вынул из кармана стеклянную четвертьлитровую фляжку и полил ему грудь и бока водкой: «Объясняйся потом с милицией, родимый». Надел на правую руку кожаную перчатку, подпрыгнул и разбил лампочку: тихий дзень.

Все это заняло на несколько секунд меньше запланированной минуты.

Хлопнула входная дверь.

– Опять перегорела, – тихо и злобно произнес женский силуэт, всем существом мимолетно опасаясь проходящего мимо звягинского силуэта.

– Извините, – вежливо сказал Звягин, бренча на пальце ключами от такси.

В трех кварталах он тормознул у урны и сунул в нее парик, усы и кепку. Потом свернул в темный проулок, достал из сумки автомобильные номера и плотно надел, закрепил поверх настоящих.

– 87–19 ММТ, – удовлетворенно прочитал он. – Вышел на смену. Спасибо, чаевых не берем.

В кабине достал из бардачка путевой лист, аккуратно разорвал и выкинул, а на его место положил заготовленный заранее. Глянул техпаспорт. Заменял собственной карточку водителя на приборной доске. Дотронулся до прав в кармане. Серую куртку снял и кинул на пол к заднему сиденью, оставшись в синем свитерке. Кинул в кусты под домом фляжку из-под водки, некогда коньячную. И дал по газам.

Не обращая внимания на голосующих по пути (как истый московский таксист), он с умеренной лихостью гнал к знакомому уже дому. Незадолго до Кутузовского остановился еще раз в тихом месте, снял свитерок, оставшись в скромном темном костюме и голубой сорочке с галстуком, из сумки достал и надел светлый плащ, набросил на шею шарф. Порядок.

Притер тачку к тротуару у «своего дома», глянул номера над первым подъездом – верно. «Куда лезу. Но не ждать же у моря погоды, покуда он сам на тротуар вылезет».

– К кому? – бдительно спросил вахтер из-за обширного письменного стола в светлом, теплом, чистом и вполне домашнего вида подъезде.

– Девятнадцатая квартира, Березницкий, – с уместной дозой будничной беглости и казенной вежливости сказал Звягин. Вахтер, естественно, чуть помедлил, читая его взглядом, и наметил движение в сторону телефона – позвонить в квартиру, представить гостя и получить согласие на впуск. В правильный момент Звягин достал из нагрудного кармана красную корку с гербом и секунду держал перед вахтером. На полсекунды открыл и, профессионально сжав в руке (не вырвать!), подержал еще.

– А вы звоните, – разрешающим тоном бегло сказал он от лифта. – Сергеев.

Пока он ехал на пятый этаж, хозяин был уже извещен и – д-р-р звонок, кратко и уверенно, – открыл двери сам.

– Добрый вечер, Яков Тимофеевич, – с безулыбистой теплотой протянул Звягин руку, шагнул через порог.

– Здравствуйте, – спокойно, весомо отвечал Яков Тимофеевич.

Так вот ты какой, гнида. Росточку неплохого, крепость еще видна, рожа массивная... тупая, уверенная, бронированная рожа. Славный, должно быть, был рыцарь революции: чистые

руки, горячее сердце, холодная голова, ага... нет, не трусливый старикашка, но это мы еще посмотрим.

– Извините за беспокойство, но дело неожиданное и срочное, – крайне спокойно сказал Звягин. – Был звонок из референтуры начальнику управления, связано с телегой. Надо гасить без оттяжки, поэтому меня лично – за вами. – И протянул, как своему и старшему по званию, заслугам и возрасту, свое удостоверение, но в руки не дал, хозяин едва заметным внутренним движением отметил это как правильное, и Звягин отметил это его отмечание. Березницкий взял со столика в небольшом, но славном холле очки из китайской плоской вазы («У кого реквизировал, сука?») и прочитал не медленно, но внимательно. За удостоверение Звягин был спокоен – лучше настоящего, не мальчик.

– Не телефонное, – сказал он, упреждая вопрос. – Такое время.

Логично. А в чем дело, да?

– Конец дня, – сказал он. – Вечный бардак в любимом ведомстве. В архивах чуток насопили. Остальное – на месте.

Березницкий чуть подумал – тоже крайне спокойно.

– Я на машине, – сказал Звягин. Галстук не обязателен, хотел он добавить и улыбнуться, но воздержался: это уже лишнее.

– Я позвоню, – сказал Березницкий. Соображал он явно уже с трудом, да и никогда, конечно, большой сметливостью не отличался, за то и держали, но рефлекс вжился в нем прочно. – Вы садитесь.

Без «благодарю» Звягин опустился на диванчик перед телевизором и расслабил позвоночник.

– Можете. Но Крупников сейчас у хозяина, там освободятся в (взглянул на часы) восемнадцать пятнадцать.

Шлепнуть бы тебя прямо сейчас, в собственном сортире, и вся недолга. Да не заслужил ты такой быстроты и легкости.

Упоминание фамилии, причем не сразу, а в правильный момент, – это подействовало, разумеется, успокаивающе. Да и обликом Звягин, то бишь Сергеев, был правилен, безупречен. Разве что лицо запоминающееся, так в их управлении это неважно.

– Переоденусь, – сказал Березницкий и вышел. В глубине квартиры перемолвился неразлично фразами с женой, которая так и не показалась – своя дрессура.

Явившись в синем, немодном и добротном костюме с планками и значком почетного чекиста («А как же! чтоб помнили, с кем дело имеют!»), Березницкий полез в теплый, с подстежкой, плащ.

– Машина у двери, – сказал Звягин о возможной ненужности плотно одеваться. – Обратно тоже доставят, – сказал он, и тут оба чуть улыбнулись профессиональному, для посвященных, юмору этой фразы.

Внизу Березницкий увидел пустое такси.

– Рабочая, – сказал Звягин, и Березницкий понял, согласился, судя по тональности молчания: получше все у начальства, взял оперативную, которая подвернулась, не свою же гонять, жалко, и бензин дорог, нет его.

Звягин сел и открыл правую дверцу:

– Пожалуйста.

Березницкий стоял, чуть ближе к задней. Во рефлекс действуют! – ему мозг выстриги, он на одних рефлексках то же самое делать будет.

– Пожалуйста, – сказал Звягин, открыл, перегнувшись, заднюю дверцу, а переднюю захлопнул, и Березницкий поместился сзади.

– Что тут? – спросил он недовольно, наступая на куртку.

– А, Сашино барахло, отодвиньте в сторону. – И Звягин рванул к центру.

Березницкий посапывал.

Ехали на Лубянку.

Тормозя перед светофором, Звягин попросил:

– Тряпочку протяните сзади, стекло запотело.

Березницкий взял чистую тряпку перед задним стеклом и подал, чуть потянувшись вперед. Звягин обернулся, отпустил руль, рука его скользнула мимо руки Березницкого, он чуть еще приподнялся на сиденье и воткнул выставленный большой палец под мясистый кадык, прямо над узлом галстука.

Березницкий всхрипнул шепотом, остекленел, вывалил язык и обмяк.

– А зачем нам, собственно, Лубянка? – вдумчиво спросил Звягин, за светофором перестроился в правый ряд и свернул, держа в памяти маршрут.

Через минуту стал в темном пустынном проезде. Перегнулся к бездвижному телу, расстегнул плащ и костюм, из внутреннего кармана достал паспорт, с пиджака аккуратно отстегнул планки и свинтил значок почетного чекиста. Из сумки извлек еще две склянки: первую полил ему на грудь, и в салоне запахло коньяком, вторую вылил на промежность – и запахло мочой.

– Обрубился, пьяная сволочь, – с сочувствием к своей таксистской доле сказал Звягин воображаемому гаишнику, – весь салон обоссал, а мне еще крутить до четырех. На Новоясеневском своем не прочухается – скину в пикет.

И поехал на Новоясеневский, выкинув по дороге как ненужные теперь склянки, так и березницкое барахло.

Он поглядывал на часы, в зеркальце – как там сзади, спокойно готовый к любым неожиданностям, потому что в сущности любые неожиданности были исключены, то есть предусмотрены: все, что Звягин делал, делалось с полной обстоятельностью; впрочем, об этом уже можно было догадаться.

В рамках рассчитанного времени он остановился близ девятиэтажного дома, вплотную к которому и подходил присмотренный днем забор стройки. Не выключая двигателя, огляделся. Спихал все барахло в сумку, туда же положил снятые номера. Сунул Березницкому под нос нашатырь, потер уши, помассировал гортань и грудную клетку. Выволок его, приходящего в себя, и закрыл машину.

– К-хх-х... Ох-хх...

– Пошли. – В бок Березницкого однозначно уперся пистолетный ствол. Сумка висела у Звягина на другой руке, и рукой той он заботливо и крепко поддерживал Березницкого, обняв сзади, под мышку: ведет человек пьяного, бывает.

– Один звук – и стреляю: иди.

Из забора в этом месте были заблаговременно вышиблены две доски. Переждали прохожего на недалекой дорожке под фонарем:

– Не смей шевелиться, – без звука произнес Звягин, вдавливая ствол между ходящих ребер.

Пробираясь между строительным мусором и скользя в грязи, они дошли до строящегося, абсолютно неосвещенного с этой стороны дома и вошли в стенной проем.

Березницкий начинал оживать, тело его приобретало остойчивость и проникалось крупной редкой дрожью.

– Не бойся, жив останешься, – усмехнулся Звягин. – Просто поговорить надо.

Он поверит в это, потому что ему больше ничего не остается. Как верили те, кого он расписывал.

– Н-не трясись! Пятнадцать минут выяснения отношений – и придешь обратно. Кому ты нужен...

Березницкий переставал дрожать.

– А вот руки, извини – назад!

Березницкий свел на копчике кисти рук, Звягин бросил сумку и, не отнимая пистолета от его позвоночника, быстро захлестнул их веревочной удавкой, закрепил мертвым узлом, – хирурги умеют вязать узлы одной рукой.

– Еще раз извини. – И рот оказался плотно заклеен пластырем.

Звягин достал из сумки и включил фонарик – тонкий веер света через щель, прорезанную в черной бумаге, которой было заклеено стекло, осветил еле-еле, но различимо, хлам под ногами.

– Пошел! – шепотом рявкнул Звягин.

Послушно перебирая ногами, Березницкий, направляемый в спину, как буксиром-толкатом, стальным пальцем пистолета, дошагал до дверного проема, повернул и стал спускаться по лестнице – бетонному маршу без перил...

Оказались в низком подвале под бетонными же перекрытиями. Звягин остановил движение перед разбитым унитазом, косо утвердившимся между ржавых батарей и обрезков труб.

– Пришли, – сказал он и на шаг отступил. – Можешь повернуться.

Березницкий неловко и готовно повернулся к нему лицом.

– Судить тебя буду я, – сказал Звягин, достал из кармана, зажав фонарик под мышку, самодельный глушитель и натянул его на дуло.

– Кто я – тебе знать незачем. Один из тех, кого ты и твоя контора не уничтожили.

Березницкий замычал.

– Никакого последнего слова, – отмел Звягин. – Не будем отягощать себя бюрократическими проволочками буржуазного суда. Итак. Согласно формуле Нюрнбергского процесса, приказы начальства не являются оправданием для исполнителей преступлений перед человечеством. А посему приговаривается Березницкий Яков Тимофеевич к высшей мере социальной защиты – расстрелу. Приговор окончательный, обжалованию не подлежит и будет приведен в исполнение немедленно.

Березницкий, хрипя и попискивая горлом, замотал головой и тяжело опустился на колени, с безумной мольбой подняв на Звягина взгляд выкаченных глаз.

– Они тоже жить хотели, – укорил Звягин. – Причем не были ни в чем виноваты. Ты что ж думал, приятель, что вся кровь, все муки – так тебе с рук и сойдут? Нет. Кому-кому, а тебе не сойдут.

Лицо Березницкого в слабой полосе фонаря превратилось в маску воплощенного безумия.

Кишечник его с шумом опорожнился, раздался резкий характерный запах.

Звягин, сунув фонарик и пистолет в карманы, приподнял его под мышки и развернул лицом к унитазу. Вот так. Все как положено. В лучших их традициях.

– Ну, вот и все, – с ужасающей простотой произнес он, приставил обрез глушителя к мокрому от пота затылку и нажал спуск. Выстрел треснул глухо, умноженный отраженным подвальным эхом. То, что было Березницким, ткнулось лицом в унитаз и осело вбок.

– Исполнен, – с холодной непримиримостью произнес Звягин.

Пульс проверять не стал: он видел разрушающую траекторию пули, как в анатомическом атласе.

Посветил вправо, подобрал гильзу, завернул в бумажку и поместил в карманчик сумки. Из сумки достал щетку для мусора и стал задом выходить из подвала, аккуратно прометая по своим следам.

Наверху чуть постоял, повторяя, все ли сделано. Следы пальцев в машине протерты. Нигде ничего не забыто. Время – в пределах расчетного.

Дойдя до дыры в заборе в стороне, противоположной той, где они входили, он (бережного бог бережет) открыл баночку из-под цейлонского чая и на протяжении нескольких минут

присыпал свои следы, удаляясь, смесью махорки с перцем. Вот уж это никому не понадобится, подумал он. Заигрался в шпионов. В метро все следы теряются.

Дойдя до «Теплого Стана», спустился в освещенное чрево метрополитена и поехал в центр.

Там он погулял в темноте, заглядывая иногда во дворы и выкидывая вещи по одной в мусорные баки: протертый от пальчиков пистолет только кинул в реку; затвор отдельно; патроны отдельно; глушитель отдельно; изорванные в мелкие клочки удостоверение, путевой лист, карточку водителя; сменил большие ему на размер ботинки, купленные в комиссионке, на свои собственные; куртка, свитерок, перчатки, где могли остаться частицы битого лампового стекла и машинного масла и бензина; и, в конце концов, саму сумку. Ищите вещдоки, родимые. Вот вам «глухарь» – и списывайте дело в архив.

На Ленинградском вокзале взял из ячейки камеры хранения свой кейс и пошел к вагону.

Пужинал бутербродами, запил скверным железнодорожным чаем, потрепался слегка с попутчиками и лег спать на приятно, убаюкивающе подрагивающую полку с удовлетворенным чувством хорошо прожитого дня.

Утром, пешочком идя к себе, уже в своем плаще, все свое и ничего чужого, разового, он припоминал вчерашние события как нечто далекое, нереальное, средненькое кино в чужом пересказе. Мысли были больше о дне предстоящем, сегодняшнем.

– Ну как съездил? – спросила жена, целуя его в прихожей и надевая пальто.

– Бесподобно, – ответил Звягин.

– Всех успел повидать?

– А как же.

– Я всегда так волнуюсь, когда тебя нет, – пожаловалась она.

– Пора бы и привыкнуть, – улыбнулся он.

Оставшись один, вырвал из блокнота несколько листков, сжег над раковиной, а пепел смыл мощной холодной струей.

Позвонил на «скорую»:

– Джахадзе на месте? Салют. Ну как там сутки? Нормально? Вот и отлично.

Глава I

Нить жизни

Никто из жильцов пятьдесят пятого дома по Фонтанке не мог потом припомнить, как въезжал Звягин в восемнадцатую квартиру. Хотя находилась она на верхнем, пятом, этаже, и затаскивание вещей должно было сопровождаться определенным шумом и суетой. Не заметили, однако, никакого шума, ни суеты.

Впрочем, в большом городе можно прожить жизнь и не знать соседа по лестничной площадке. Замечание это неприменимо к одиноким пенсионеркам: у них свои каналы добычи информации, непостижимые для непосвященных. А какой же старый ленинградский дом обойдется без одиноких пенсионерок.

Проживала такая пенсионерка, Жихарева Ефросинья Ивановна, всю жизнь в квартире как раз под Звягиным, на четвертом этаже, в комнате окном во двор, где по утрам гулко гремят крышки мусорных баков и перекрикиваются грузчики продуктового магазина.

В прозрачный желто-синий день бабьего лета она, Мария Аркадьевна и Сенькина из десятой квартиры сидели в скверике на площади Ломоносова, именуемой некоторыми ленинградцами в просторечии «ватрушкой» вследствие ее круглой формы; они же трое упорно называли ее по старинке Чернышевской площадью, как бы подчеркивая свою исконную петербургскую принадлежность. И собрание достоверно установило, что новые жильцы поменялись сюда из Ручьев, где Звягин получил квартиру после увольнения из армии, хотя ему всего сорок с небольшим, а на вид моложе, но он служил там, где прыгают с парашютом, и поэтому им военная пенсия идет раньше, по специальности он врач, был майором, а сейчас работает на «скорой помощи», мужчина видный, но, похоже, гордый и злой; что жена его учительница английского языка, дочка учится в седьмом классе, а старший сын – на юриста в Москве; что машины у них нет, и собаки нет, и кошки, и дачи, дома тихо, ремонт делали сами, пьянок не бывает; короче, люди приличные и ничем не выдающиеся.

К сожалению, эта теоретическая оценка не повлекла за собой никаких практических выводов – по той причине, что любознательная и вездесущая Ефросинья Ивановна характером отличалась не столько даже активным, сколько склочным сверх мыслимых границ. Старые соседи как-то с ней уже стерпелись, зато новые очень скоро почувствовали на себе всю скандальную безудержность соседки снизу.

Началось с того, что жена Звягина, в школе – Ирина Николаевна, а во всех прочих местах – просто Ирина, столкнулась внизу у лифта со старухой, или, как теперь принято говорить, с пожилой женщиной. Одета была пожилая женщина в старомодное и поблеклое, но очень аккуратное пальто, а лицо ее выглядело напряженным и поджатым, и встретиться взглядом с Ириной она не пожелала.

С тихим гудением опустился лифт, Ирина открыла дверь, намереваясь пропустить старуху с хозяйственной сумкой вперед, но произошло неожиданное: та резко рванула решетчатую дверь лифта из ее руки, оттолкнула Ирину и, шагнув в лифт и обернувшись, каркнула:

– О новые-то соседи у нас, а! И не здороваются! Я уж не говорю – старую женщину вперед пропустить! – С лязгом захлопнула двери: – Понаехало деревни всякой в Ленинград!.. – И поплыла вверх.

От неожиданной обиды у Ирины свело лицо, затрясло; дома она еще полчаса утирала слезы, пила седуксен и мысленно произносила душераздирающие речи, вызывающие к совести и справедливости...

Эта встреча явилась как бы первой пробой сил в необъявленной войне. И продолжение не замедлило последовать.

В десять вечера снизу в пол раздался грохот, будто там заработал таран. Звякнули чашки. Звягин с интересом посмотрел на то место, где, судя по ударам, располагался эпицентр этого домашнего землетрясения и сейчас взлетят шашки паркета, вспучится перекрытие и образуется кратер.

Жена же повела себя иначе: она побелела, на цыпочках подскочила к телевизору и убавила звук до комариного шепота.

– Что случилось? – осведомился Звягин, читая в ее лице.

– Это она... – подавленно сказала жена.

И, разумеется, не ошиблась: в этот самый момент Ефросинья Ивановна удовлетворенно взглянула вверх, вдохнула поглубже, грохнула в последний раз в потолок бидоном, вздетым на рукоять швабры, и стала слезать со стола, аккуратно застеленного газетой. Она улыбалась мрачноватой боевой улыбкой. Вечер прошел не зря.

Такой пустяк вполне может испоганить настроение. Что с Ириной и произошло. Из своей комнаты высунулась дочка и, уразумев ситуацию, потребовала мести. Звягину испортить настроение было невозможно: он с каким-то даже одобрением высказался так:

– Браво, первая валторна! Боевая старушка.

Жена, не встретив законного сочувствия, обиделась:

– Ты ей еще гантели купи. Для развития мышц.

– И кувалду, – развеселилась дочка.

Но почти двадцать лет армейской службы приучили Звягина уважать достойного противника.

– Нас трое здоровых, а она – одна и старая, – упрекнул он, смеясь резким лицом. – И – не боится, а!

Нет, Жихарева не боялась. Чувство страха было ей, похоже, неведомо. Зато в полной мере было ведомо чувство наслаждения нагонять страх на других.

Лежа ночами в старческой бессоннице, в преддверии дня столь же одинокого и пустого, как прошедший, она измышляла коварнейшие планы и неукоснительно приводила их в действие. Она изучала нехитрый распорядок дня Звягиных, избегать ее было все труднее.

Ирина почувствовала себя затравленной. Жихарева приснилась ей былинным разбойником, поигрывающим кистенем и сшибающим жутким посвистом путников с коней в лесных урочищах. Когда бы ни возвращалась домой – знакомое серо-буро-малиновое пальто, старомодное и аккуратное, фланировало у подъезда. В ненастье пальто ждало в полутьме у лифта. Характер немислимых претензий был непредсказуем, заготовленные ответы пропадали втуне.

– И нечего по ночам скакать, танцы устраивать! – злорадствовала Жихарева. – Учителница, какой ты пример детям показываешь?

Несчастная Ирина летела наверх, не дожидаясь лифта, и эхо металось вокруг нее, как злая птица:

– А вот я в школу заявлю про твое поведение!..

Дочке заступалась дорога:

– Во ходит нынешняя молодежь – все в обтяжку, ни стыда ни совести! С ранних лет...

Со свойственным юности темпераментом дочка высказала Ефросинье Ивановне в лицо массу неприятных вещей. Ефросинья Ивановна довольно засмеялась и, выждав и рассчитав время ужина, известила о себе бесконечным звонком.

Теснимый от порога в глубь квартиры, Звягин хмыкнул.

– Вот что она говорит! – на басах заиграла старуха, как капитан в шторм. Пересказ Светкиной речи расцвечивался сочными словами. – Позови-ка ее сюда! Мы в ее годы... – И наладилась проводить воспитательную беседу о преемственности поколений.

Светка всхлипнула и промелькнула в свою комнату.

– Были б вы мужчиной помоложе... – мечтательно сказал Звягин.

– Ну ударь меня! – готовно закричала Жихарева. – Ударь!

На площадках открывались двери: там слушали и обсуждали.

– Два заявления от соседей – и вас увезут в сумасшедший дом, – предостерег Звягин. – Слуховые галлюцинации и навязчивая идея.

Жихарева осеклась, уставилась недоверчиво. Такой оборот событий она не предвидела.

– А еще врач, – без уверенности молвила она.

– Месяц лечения – и в дом хроников.

– И не стыдно? – заняла оборону Жихарева. – Старухе грозить...

Но меры она приняла: записалась на прием к невропатологу – мол, чувствую себя хорошо, но на всякий случай... Сочла, что запись в карточке послужит доказательством ее нормальности.

Ночью сон Звягиных разорвал треск телефона.

– Теперь ночей не сплю, – сообщила трубка. – Вам-то что!..

Звягин оделся, взял радедорм и спустился на четвертый этаж.

– Ты куда ночью ломишься, хулиган! – вознегодовала Жихарева, открывая. – Круглые сутки покоя от вас нет!

– Снотворное принес, – невозмутимо сказал Звягин.

Старуха взяла таблетки и запустила по лестнице.

– Сам травись, – пожелала она.

Положение стало невыносимым. Ефросинья Ивановна прибегла к анонимкам. Вряд ли она была знакома с историей европейской дипломатии, но тезис: «Клеветайте, клеветайте, – что-нибудь да останется», – был ей вполне близок. Техник-смотритель из жэка предъявила открытку с жалобой. Апофеозом явился визит участкового инспектора – он извинился, сказал про обязанности: проверить поступивший сигнал... Эту склочницу давно знает. Помирились бы, а...

– Но как?!

Жена сдалась: меняем квартиру. Звягин возражал: вид на Фонтанку, и вообще – что за ерунда. Семейный совет постановил попробовать мирные средства наведения контактов. Стали пробовать.

– Ефросинья Ивановна, вам в магазине ничего не надо? – обратилась Ирина, смиряя самолюбие и преодолевая дрожь в душе.

Ответ гласил, что многое надо, не ваше дело, некоторые не так богаты, однако в подачках хамов не нуждаются, грох дверьми!

Седьмого ноября Звягин с цветами двинулся поздравлять ее.

Ефросинья Ивановна растерялась. Цветы ей за последние сорок лет дарили один раз – когда провожали на пенсию.

– Спасибо, – тихо пробурчала она, глядя в сторону.

Звягин поцеловал ее в пахнущую мылом морщинистую щеку и пригласил в гости.

Жихарева вспотела. В ней происходила отчаянная борьба, которую моралист назвал бы борьбой добра и зла, а психолог – борьбой между самолюбием и потребностью в общении. Самолюбие победило.

– Нет, – сухо сказала она, с трудом преодолевая себя. – Я уж у себя посижу, посмотрю телевизор.

Но глаза у нее были на мокром месте, и прощалась она со Звягиным не без ласковой приязни.

Так и хочется закончить, что с этого момента наступил перелом, добро возобладало, и соседи превратились в лучших друзей. Такое тоже бывает. Но, видимо, не в столь запущенном случае...

Перемирие длилось неделю – а потом все началось сызнова: на большой срок, к сожалению, растроганности Ефросиньи Ивановны не хватило, и застарелая привычка, давно превратившаяся из второй натуры в первую, взяла верх.

Нет ни необходимости, ни возможности перечислять все те ухищрения, с помощью которых можно вконец отравить существование ближним. Ефросинья Ивановна владела полным арсеналом с искусством профессионала. Неизбежный кризис назрел.

– Не судиться же, в самом деле, с несчастной старухой, – сказал Звягин. – Одинока она, вот и мучится.

– Но почему мы должны мучиться из-за нее? – справедливо возразила жена. Ее нервы сдали.

– А тебе ее совсем не жалко?

– А меня тебе не жалко?.. – не выдержала она.

Звягин подтянул галстук, накинул пиджак и пошел по соседям.

В этот вечер он многое услышал от Марии Аркадьевны и Сенькиной из десятой квартиры – двоих из тех, кто в цвете молодости, сожженной войной, пережил здесь блокаду – санитаркой, телефонисткой, зенитчицей, токарем, или в первое послевоенное время, полное тягот и надежд, приехал из разных краев работать и искать свою долю в прославленном и прекрасном городе, обедневшем людьми.

И он узнал в этот вечер, что родители Жихаревой умерли в блокаду, муж и брат погибли на фронте, а трехлетнего сына эвакуировали через ладожскую Дорогу жизни на Большую землю, но колонну бомбили, и их машина ушла под лед... Помнили время, когда молодая Фрося была веселой и заводной, не найти никого приветливее, – а после войны это был уже совершенно другой человек, замкнутый и скорый на злость. А как вышла на пенсию – тут просто спасу от нее не стало. Ее жалели – но для жалости требуется дистанция, потому что когда человек ежечасно отравляет тебе жизнь, жалость как-то иссякает и уступает место злости, в чем проявляется, видимо, инстинкт самосохранения.

Звягин вернулся в полночь задумчив, налил ледяного молока в высокий желтый стакан, кинул туда соломинку и застучал пальцами «Турецкий марш»: ловил смутную мысль, принимал решение.

– Ведь она нам просто-напросто смертельно завидует, что у нас все в порядке, – проговорил он. – Больно ей...

– А что делать? – безнадежно спросила жена.

– Чтоб не завидовала... – был неопределенный ответ.

– Ты предлагаешь мне овдоветь? – съязвила она.

Ночной разговор в спальне был долог. Подытожил его Звягин философской фразой:

– У нас есть только один способ стать счастливыми – сделать счастливым другого человека.

После чего выключил торшер и мгновенно заснул.

Сутки на «скорой» выдались удивительно спокойные, все больше гоняли чай на подстанции. Посмеиваясь, Звягин обсуждал с Джахадзе, как искать пропавшего человека. «Обратиться в милицию». – «Милиция ответит, что такого нигде нет...»

Наутро после дежурства он входил в высокие створчатые двери Музея истории Ленинграда.

Завотделом истории блокады, огненноглазый бородач, пригласил его в крохотный кабинет и уловил суть дела сразу:

– Мы вам помочь ничем не сможем. Вот телефоны городского архива, фамилия завсектором блокады – Криница, сейчас я ей позвоню, что вы от нас.

Он обнадежил Звягина: случаи, когда считавшиеся погибшими люди обнаруживаются через десятки лет после войны, бывают много чаще, чем обычно думают: «Ведь десятки миллионов судеб перепутались!..» Взглянул на часы и побежал в экспозицию.

В проходной архива пропуск на Звягина уже лежал. Звягин настроился встретить дребезжащих старушек вроде «веселого архивариуса» из передачи «С добрым утром», но в комнате без окон, оклеенной рекламами, девочки после университета пили кофе и обсуждали фильмы Алексея Германа. Девочки стали строить глазки.

– Если вы точно знаете даже число отправки через Ладогу, это будет несложно, – улыбнулась Криница, крупная яркая блондинка.

Ему дали заполнить бланк и велели пойти завтра.

Жена, заразившись идеей поиска, весь вечер выпрашивала подробности и выдвигала варианты, типа привлечения юных следопытов.

– Хватит и того, что я на старости лет устроился в следопыты, – скептически сказал Звягин.

Конец ниточки нашелся.

Криница положила перед ним толстую серую папку:

– Вот – эвакуация детей школьного возраста в марте сорок второго года.

– Впервые в жизни радуюсь бумажной бюрократии и всяким справкам, – признался Звягин. – Во всем есть хорошая сторона, м-да.

На заложенной странице 317-Б была строчка среди прочих:

«Жихарев Петр Степан., 1938 г. р., 12 марта 1942 г.»

Криница перелистнула несколько страниц назад:

– Направление транспорта – Войбокало на Вологду.

Из документов эвакуационного бюро явствовало, что триста пятьдесят пять детей в сопровождении одиннадцати воспитательниц отправлены через Ладогу в эти сутки. Чем и исчерпывались данные.

– Надо запрашивать Вологду, – сказала Криница.

– В Вологду такой не прибывал... – ответил Звягин.

Принялись строить версии. Могли утопить машину на Ладоге, да. Могли обстрелять. Могли бомбить поезд уже восточнее. Мог в эвакуации уже умереть от алиментарной дистрофии, – но тогда была бы запись на месте, легко выяснить. Это – худшие варианты.

А мог ведь и остаться в живых. В сутолоке тех страшных военных дней мог отбиться от своей группы, потеряться на станции, могли перепутать вещи и одежду в санпропускнике, мог список погибнуть, вместе с воспитательницей или старшей сопровождающей, мог быть ранен или контужен и забыть по малолетству свои имя и фамилию, да мало ли что могло быть... Все могло быть.

Запрос в Вологду Звягин направлять не стал. А попросил на работе поставить ему дежурства в графике на декабрь так, чтоб вышла свободная неделя подряд: взамен он отдежурит тридцать первого декабря и второго января.

Слякотным и мглистым декабрьским утром он кинул в портфель чистые рубашки, бритву и блокнот, принял заказы домочадцев на «настоящие вологодские кружева» и поехал в аэропорт.

В Вологде скрипел и искрился снег, воздух был розов, дышалось легко, Звягин пожалел, что по офицерской привычке не таскать с собой ничего лишнего он не захватил тренировочный костюм: взять бы в прокате лыжи и пробежаться хоть часок.

Он снял койку в гарнизонной гостинице, где всегда легче с местами, и позвонил в архив.

Размещался архив в стареньком двухэтажном здании, и пахло в нем именно классическим архивом: старой бумагой пахло, пылью и мышами. Опекаемый старенькой бодрой заведующей, Звягин провел здесь остаток дня и еще весь день, и узнал следующее.

Из трехсот пятидесяти пяти детей и одиннадцати воспитательниц, фамилии которых он скрупулезно переписал в Ленинграде, в Вологду прибыло триста девятнадцать детей и десять воспитательниц. Жихарева Петра среди прибывших с той партией эвакуированных ленинградских детей – не значилось. Следовало предположить, что да, одна машина Ладогу не пересекла...

Новостью это не было – подтверждалось лишь известное.

Больше заинтересовало Звягина другое. В том же марте сорок второго года 37-й детский дом имени Маршала Тимошенко принял в числе поступивших еще с двумя партиями из Ленинграда четырнадцать человек с пометкой «родители не установлены»: малолетки, чьи документы каким-либо образом затерялись, и кто не мог назвать ни родителей, ни адреса, ни порой фамилии и даже имени. В мае сорок третьего года при слиянии двух детдомов они были переведены в Киров, в детский дом для сирот войны.

Четверо из них были мальчиками, возраст которых записали как трехлетних.

– Спасибо, – сказал Звягин, вручая старушке-заведующей торт, – кое-что я, кажется, нашел.

Ночь он проспал в приятно постукивающем поезде и сошел в Кирове с ощущением близости цели.

В облоно все нервничали, бумаги летали, вихрь проносился по коридорам: грянула какая-то проверка.

– Я к вам из Краснознаменного Ленинградского округа, – нагло представился Звягин в отделе кадров. – Требуется справочка...

Оказалось, что детский дом закрыт в шестьдесят первом году.

– Списки хранятся, безусловно. Срочно? Зайдите завтра...

В списках значились и те четверо уроженцев Ленинграда, эвакуированных в марте сорок второго года; именовались они как Петрищев Сергей Анатольевич, Середа Николай Александрович, Вязигин Павел Гаврилович и Хабаров Павел Павлович. В сохранности были и личные дела. («Имена, фамилии? Называли в честь близких, друзей, спасителей, писали иногда свою фамилию или придумывали что-нибудь – ведь без имени и фамилии человеку никак...»)

Вязигин в пятьдесят третьем году был осужден к трем годам колонии для несовершеннолетних, дальнейших сведений облоно не имело, и его Звягин из поисков исключил.

А областное управление внутренних дел располагало лишь информацией, что трое других в октябре пятьдесят седьмого года были призваны в армию и с тех пор по Кировской области не значатся.

– Подавайте на розыск, – посоветовал усталый капитан. – Через пару месяцев придет ответ; человек у нас потеряться не может.

Звягин составил заявление, заполнил три листка данных, положил на полированный стол и поехал брать билет на самолет.

...Отсиял елочными гирляндами Новый год, отсвистел ветрюгой с Балтики редкостно студеный январь, сыпануло ворохом открыток от старых сослуживцев 23-е февраля, – когда в официальных конвертах стали приходить извещения на запросы.

Хабаров жил в Кемерове. Петрищев – в Николаевской области. Середа Н. А. в тысяча девятьсот шестьдесят третьем году окончил Ульяновское высшее военно-техническое училище и погиб девятого октября семьдесят третьего года при выполнении задания.

Звягин заказал по междугородному телефону Кемеровское и Николаевское УВД, объяснил ситуацию: ищет человека, спасибо за сведения, как узнать некоторые дополнительные обстоятельства?..

Минуло немало времени, пока он в последний раз перелистал ворох накопившихся справок и выписок, аккуратно подколотых к заполненным страницам блокнота, нашел нужную и позвонил.

– Зоя Ильинична? Беспокою вас по поводу военных лет...

Выстроенная версия оборачивалась реальностью.

Вот таким образом случилось, что Сергей Анатольевич Петрищев получил из Ленинграда следующее письмо:

«Уважаемый Сергей Анатольевич!

Пишет незнакомая вам, но хорошо вас помнящая Зоя Ильинична Теплова. Вы меня, конечно же, помнить никак не можете, я – та самая воспитательница, которая сопровождала машину с детьми через Ладогу двенадцатого марта сорок второго года. Машина эта до Войбокало не дошла – была уничтожена немецким пикировщиком. Вы, трехлетний мальчик, сидели в кузове у кабины рядом со мной, и когда после взрыва бомбы машина накренилась на расколотом льду и заскользила в воду, я успела только схватить вас, а потом все скрылись в ледяной воде, я стала тонуть, но меня вместе с вами успел вытащить шофер, в последний миг выскочивший из кабины.

Колонна машин уже объезжала полынью, останавливаться было нельзя, нам кричали бежать и садиться быстрее! Сели в чужую машину, немного отстав от своей колонны, с одежды текло, мы сняли с вас все и закутали в чей-то платок, боялись воспаления легких. Я оказалась ранена осколком, сразу сгоряча не почувствовала, у первой же перевязочной палатки меня высадили, и вас передали регулировщице рядом со мной, ведь я за вас отвечала, а думать, что делать, было некогда, машины шли и шли, и та машина ушла, в ней осталась ваша мокрая одежда, а вещи утонули раньше. Я все слабела, регулировщица, поняв, что случилось с вами, выругала меня и передала вас на проходящую машину, в кабину, чтоб не замерзли.

Мне сделали перевязку, потом в Войбокало оперировали, а после поправки я окончила курсы и ушла санинструктором на фронт.

Я долго переживала, что вас отправили дальше без всяких примет личности, оставшим от колонны, а когда ребенку всего три года и он пережил такие страшные испытания, что и взрослым порой не снести, то мало ли что может случиться, вдруг потеряется, кругом война...

Потом было очень много и тяжелого, и хорошего, я воевала, была еще раз ранена, кончила войну в Восточной Пруссии, вынесла с поля боя пятьдесят семь бойцов, была награждена медалями, но вас помнила, такое не забудешь, вы были мой первый спасенный.

Вот и прошла моя жизнь, теперь я на пенсии, но чувствую себя еще неплохо, стараюсь бодриться. Осенью была на экскурсии в Вологде, и как меня кольнуло: может узнаю что о вас. Вспомнила как живое: и висающие в черном небе люстры на парашютах с их мертвым светом, и вой самолетов, зенитки стучат, вы все плачете в кузове, я вас криком успокаиваю, а у самой сердце обрывается, и тут взрыв рядом, и мальчик, которого я схватила и не выпускала, пока саму не вытащили с ним вместе на лед...

Оказалось, что того детского дома давно не существует. А главное – что с тем транспортом эвакуированных из Ленинграда Петя Жихарев не поступал. А Петя Жихарев – это тот мальчик и был.

Вы, наверное, уже поняли, что Петр Жихарев – это вы и есть...

Здесь ошибки быть не может, потому что никакого Петрищева Сергея Анатольевича из Ленинграда в тот период не эвакуировалось, зато с тем самым транспортом прибыл трехлетний мальчик без личных вещей и в одежде чужих размеров, контуженный при бомбежке на Ладоге, который ничего про себя сказать не мог, знали только, что раненая воспитательница вытащила его из потопленной машины.

А новое имя вам дали при записи в детском доме, и об этом сохранилась пометка. Вот так Петр Жихарев, на самом деле не погибший, а живой, превратился в Сергея Петрищева.

Я долго наводила справки, куда только ни обращалась, и из Центрального военного архива узнала, что ваш отец, Жихарев Степан Михайлович, пал смертью храбрых двадцать четвертого июля сорок первого года под Лугой.

А теперь самое главное. Ваша мать, Жихарева Ефросинья Ивановна, жива, живет в Ленинграде...»

Так связалась нить, которая привела к дверям шестнадцатой квартиры немолодого уже мужчину с чемоданом в одной руке и огромным букетом южных роз – в другой.

– Мне Жихареву Ефросинью Ивановну, – неестественно высоким напряженным голосом произнес он.

– Зачем еще? – подозрительно спросила Жихарева. – Ну, я это...

Он сделал глотательное движение горлом, попытался улыбнуться, бросил чемодан, сказал:

– Мама... – и заплакал.

Старуха побледнела, глаза ее сделались огромными и черными, невидимая молния прошла сквозь нее, она дрогнула и сжала зубы в крике, когда мужчина обнял ее, неловко роняя на серый кафельный пол красные розы.

Свет в окне на четвертом этаже, выходящем во двор, погас в эту ночь в половине шестого утра, когда зашумели по улицам первые автобусы.

А назавтра они сидели за уставленным снедью столом втроем с Зоей Ильиничной, и она все повторяла историю многомесячных поисков и раскладывала бесчисленные справки, завершенные всевозможнейшими подписями и пестреющие разнообразными печатями архивов.

Петр Степанович, постепенно привыкающий к своему имени-отчеству, закатил счастливой матери турне по магазинам, завалил нужной и ненужной всячиной, прогостил три дня (на столько его отпустили со стройки, где работал), а в воскресенье свел ее под руку к такси, ждущему внизу, побросал чемоданы в багажник, и они отбыли в аэропорт:

– Поедем, мама. Поживешь у нас, увидишь внуков, с невесткой познакомишься... у нас уже тепло.

Старуха помолодела на десять лет, сияла и утирала слезы, не сводя глаз с сына – взрослого, самостоятельного, с семьей, уважаемого людьми, хорошо зарабатывающего. Что еще надо для счастья.

– Вот и все, – задумчиво сказал Звягин вечером. – Теперь ей есть ради кого жить. А кто счастлив сам – другим зла не желает.

– Почему ты им не сказал, что это ты его нашел? – задето спросила дочка, шествуя из ванной спать.

– Зачем? – пожал плечами Звягин. – Я это делал из интереса.

– Несправедливо. Деньги на поездки тратил... И где спасибо?

– А разве справедливо, когда у одних все хорошо, а у других – плохо? Считаю, что мы просто отдали долг. И – брысь в кровать!

Наливая в термос сваренный кофе, чтоб утром не возиться второпях, жена тихо спросила:

– Ты уверен, что они никогда не узнают?

– Абсолютно... Теплова – единственная воспитательница из тех одиннадцати, живущая сейчас в Ленинграде. Она все поняла и согласилась сразу; она не скажет. Проверить все через столько лет уже невозможно: людей не осталось... Я подставил одну-единственную цифру в одной справке: дата прибытия в Вологду. И не станут никогда люди разуберять себя в том, во что им необходимо верить.

Он чувствовал моральную потребность оправдаться.

– Честное слово, я ведь это не для того, чтоб от нее избавиться, – сказал он. – Мы к ней уже, в общем, и привыкли. Жалко человека. Усыновляют же чужих детей. Если у сына есть мать, а у матери – сын, что ж здесь плохого, а. Пусть радуются, пока живы.

– Боишься, что тебя заподозрят в корысти? – улыбнулась жена.

Звягин налил себе молока, потянул через соломинку, хмыкнул:

– Город Николаев – интересно, в честь кого так назван?..

Недавно, споткнувшись о название города Мама, он увлекся топонимикой. Уволившийся в запас офицер еще долго ощущает некую пустоту: излишек свободного времени и сил. А этого Звягин не терпел – его натура требовала постоянной занятости.

Глава II

Что такое не везет и как с ним бороться

Не замечая духоты в автобусе, Звягин погрузился в «Историю античных войн»: Александр Македонский прорывал строй персов...

Сначала раздался треск рвущейся материи. Потом кто-то присвистнул. Ахнул ужасающий женский голос. И лишь после этого дрожащий мужской фальцет пробормотал:

– О, мамочки мои!..

И чей-то непроизвольный хохот.

Ситуация была, что называется, трагикомическая: сошедшая девушка у дверей автобуса выдергивала разорванный до талии подол платья из-под ноги обмершего мужчины на верхней ступеньке площадки.

– Поднимите же ногу, идиот, – чуть не плача, воскликнула она, пунцовая от горя и стыда.

– А? Да, конечно, пожалуйста, – с растерянной готовностью отозвался он, выходя из столбняка, и поднял наконец ногу, неловко поклонившись. Поднимая ногу и одновременно кланяясь, он потерял равновесие и вывалился из автобуса прямо на свою жертву.

– Ммм, – простонала она, зажмурясь от ненависти и унижения, одной рукой придерживая раздуваемый подол ниже спины, а другой отпихивая съездившегося от страха человека, лепечущего извинения.

– Я... я зашью, – бессмысленно утешал он. – Это ничего... закрепить булавкой... у вас есть? У вас прекрасная фигура, – уж вовсе неуместно добавил он.

Смех юнцов на остановке прозвучал ему согласием. Лицо девушки превратилось в маску разъяренной тигрицы. Человек втянул голову в плечи и закрыл глаза, готовый к справедливой каре и полагаясь лишь на милость судьбы...

Когда он открыл их, на девушке белел медицинский халат, и она утиралась пуховкой, глядя в зеркальце, – а перед ним стоял сухощавый, резколицый человек и разглядывал его с холодным любопытством.

– Пили? – Звягин потянул носом.

– Н-нет... я просто так, – умоляюще пробормотал человек, в качестве объяснения разводя руками.

– Просто так? – с интересом переспросил Звягин. – Ну-ну.

И повел девушку к стоянке такси.

Они не успели отойти, как визг тормозов и залп брани возвестил следующее представление. Человек стоял перед грузовиком, упершись руками в радиатор, а сверху из кабины перекошенный шофер интересовался наличием у него глаз, мозгов, совести и желания жить, а если нет, то почему он, шофер, должен платить за это своей свободой?

Звягин сощурился. Секунду подумал.

– Простите, – сказал он девушке, – но этим может не кончиться, а? – И двинулся к месту происшествия.

Таксист неодобрительно обозрел странную компанию: заплаканную девушку в явно чужом белом халате и спотыкающегося мужичонку совершенно неопределенного возраста, цвета и размера, опирающегося на невозмутимого, подтянутого человека. «Отставной спортсмен или оперативник? А эти кто?»

– Пьяных не вожу, – на всякий случай уведомил он.

– Это больной, – успокоил Звягин, хлопая дверцей. – Как вас зовут, больной?

– Толя, – пискнул человек. И – сорвавшимся баском: – Епишко Анатолий!

– А вас? Галя? Куда вас везти, Галя?

В подъезде Звягин взял у нее свой халат.

– Не хотите чашку кофе? – Ее взгляд был лучшим комплиментом.

– А вы меня не интересуете, – сказал Звягин. – Вот тот, в такси, – тот да, интересен.

В такси водитель разорился из-за прожженного сиденья.

– Я закурил, чтоб успокоиться, – виновато объяснил Епишко. – А искорка отвалилась... такие сигареты делают...

– Чтоб у тебя не то отвалилось, – ярился водитель. – А кто платить будет?

– Я, – отрубил Звягин. – Фонтанка, 55!

Он долго подпихивал вяло сопротивляющегося Епишко вверх по лестнице: «Я тебе жизнь спас, а ты со мной и чаю не выпьешь? Жена на работе. Дочка в школе. Что? – я с дежурства. А полосу невезения лучше переждать, не дергаться!»

В кухне Епишко мгновенно смахнул чашку на пол: дзынь!

– Я вас предупреждал, – скорбно сказал он, садясь к столу и с треском стукаясь головой об угол настенного шкафчика.

Звягин задумчиво посмотрел.

– Правильно, – сказал он. – Чашки нельзя ставить близко к краю, а шкафчик давно надо перевесить на двадцать сантиметров левее. Возьми, чтоб не волновался, – и налил ему дымящегося черного чаю в эмалированную кружку.

– Ну, – сказал он тихо и добро, сев рядом, – а теперь расскажи все. Выложи, облегчи душу. Без этого в жизни плохо. Не бойся, я пойму. Я ведь все-таки врач.

Епишко помолчал, вдруг хлюпнул носом и махнул рукой.

– Просто я неудачник... – ответил он.

– Это бывает, – успокоил Звягин.

– Мне во всем не везет. Я уже привык...

– И с чего же начались твои невезения, можешь вспомнить?

Епишко виновато пожал плечами:

– Начались? Хм... Родился до срока...

...Через два часа летопись его жизни развернулась в кошмарный вариант Тысячи и одной ночи. Неудач, выпавших на его долю, хватило бы сорвать завоевательный поход Тамерлана. Там ломались часы и ноги, разбивались вазы и судьбы, терялись документы, горели провода и буйствовали стихийные бедствия. Аккуратная белая кухня с внимательным Звягиным превратилась в автономный оазис среди рушащихся карточных домиков Епишкинского неблагополучия.

– Вашей трагедии хватит на пять комедий, – развеселился Звягин.

...В пятом классе он сломал руку на физкультуре, упав на ровном полу; это до конца школы избавило его от физкультуры (для спокойствия физрука), но не от травм. В шестом – отстал от поезда, когда семья ехала в отпуск. Он вырослел, и несчастья вырослели вместе с ним. Апофеозом удачливости явилась женитьба, которая не состоялась.

Это судьба, покорно рассказывал Епишко. Он был тогда студентом, выгнали его позднее. Сначала он заболел бруцеллезом, напившись в колхозе молока от единственной, очевидно, бруцеллезной коровы в республике. Корову прирезали, в отличие от Епишко, который долго мучился, хотя в конце концов выздоровел. Свадьбу пришлось перенести, и в оставшееся время он успешно завалил сессию, пересдавая экзамены с потом и страданием, – вместо прогулок под луной... Везя из ателье свадебный костюм, он вывалился с подножки автобуса – толчея, час пик – и отбыл на скорой под сиреной и с сотрясением мозга. Излишне говорить, что пакет с костюмом исчез.

В больнице невеста увидела его лицо, отутюженное мостовой, и заплакала; но плач у нее выходил какой-то задумчивый. Думы эти были, видимо, о будущей жизни.

Спеша в такси к невесте, откуда они должны были следовать во Дворец бракосочетаний, Епишко попал в бесконечную пробку: все улицы перекрыли для какого-то марафона. Он прибежал часом позднее и застал истерику. Родители суженой с большим радушием встретили бы насильника и убийцу. Он им вообще не нравился.

Во Дворце их очередь уже прошла: ждать две недели! Невесту отпаивали валерьянкой, администратора молили, Епишко предлагали покарать физически. Обошлось – уговорили. Тогда оказалось, что у Епишко нет паспорта.

Невеста окаменела и тут же вернула Епишко слово, прибавив к нему много других слов, за которые ее попросили выйти из Дворца. Женить Епишко по студенческому билету администраторша с негодованием отказалась. Он понесся в общежитие, но паспорта не нашел – очевидно, потерял, когда бежал к невесте...

Когда через десять дней он вернулся к невесте вымаливать прощение, с двумя паспортами в карманах – выданным взамен утерянного и утерянным, найденным в пакете с горчичиками, – он был спущен с лестницы крепким пареньком, который занял его место подле невесты, и занимает его до сих пор – в качестве мужа.

Епишко пожелал ему большого личного счастья и пошел в милицию, сообщая, какой паспорт сдавать – старый или новый, потому что жить по двум паспортам запрещено законом. Увлечшись этой мыслью, он потерял оба; все равно жениться было уже не на ком.

– Если я стою в очереди, то все кончается передо мной, – жаловался он. – Если я не опаздываю на поезд, то на моем месте уже сидит пассажир с таким же билетом.

– А вы на самолете летать не пробовали? – с интересом осведомился Звягин, снимая с газа манную кашу и кладя в тарелки чернослив.

– Вообще я боюсь... раз рискнул в командировке, мы сели вместо Краснодара в Ростове, кто-то по ошибке взял мой чемодан, а там техдокументация, – короче, уволили с работы.

– И кем ты теперь работаешь?

– Пожарным, – мучительно сознался Епишко, ляпаясь кашей.

– Где?! – поразился Звягин.

– В театре...

– И он еще не сгорел? А говоришь, не везет.

Но неужели он не пробовал бороться с невезением? Переломить судьбу?

Пробовал; но она не переламявалась. Он покупал летний костюм, делал прическу в мужском салоне, собирал всю свою волю к жизни – и садился на окрашенную скамейку, сверху его поливала поливальная машина, а ключи от дома проваливались в решетку люка.

– Нет, – заключил он, – мне помочь невозможно. Деньги ваши я потеряю, на новой работе что-нибудь выкину...

– Деньги? – вздернул бровь Звягин. – Работу? Вы меня не за старика Хоттабыча приняли? Я не благотворитель, вы не калека. В армии служили?

– Нет, знаете: здоровье...

– Жаль, – искренне посочувствовал Звягин. – Толковый сержант необыкновенно полезен для здоровья хрупких юношей. – Он швырнул тарелки в мойку и открыл кипятилок. – Сейчас вызову вам такси.

– Не дозвонитесь, – предрек Епишко. – Там всегда занято.

– Покупайте телефон с кнопочным набором: как только абонент освобождается – он мигом соединяет. Не ройтесь в карманах – шоферу я заплачу сам. Куда вам?..

Весь вечер он рассказывал со стаканом молока и соломинкой, мурлыча «Турецкий марш». Вдруг остановившись перед столом, где жена проверяла тетради, он зло рывкнул:

– Я т-тебя научу любить жизнь!

– Что?! – жена уронила очки.

Звягин мотнул головой, выныривая из своих дум:

– Прости, замечтался... Что такое невезение? – допросил он.

– Влезаешь в очередную авантюру? – Жена вздохнула, выключила настольную лампу и подперла ладонями щеки. – Вот, думала, уволишься из армии, поедem в большой город, не надо будет тебя ждать с вечных учений и прыжков, – а тебя опять никогда дома нет...

– Во-первых, – Звягин загнул палец, – невезение – это когда человек хочет больше, чем может. Этим надо быть скромней.

Второе: не умеет учитывать все жизненные обстоятельства.

Третье: не готов к худшему.

Четвертое: принимает мелочи близко к сердцу.

Жена слушала историю невезучего Епишко и стелила постель.

– Вечно ты кого-нибудь жалеешь, – печально сказала она.

– Плевать мне на него! – возмутился Звягин. – Мне просто интересно, как и что тут можно сделать.

– С невезением?..

– Ерунда! Невезение – это судьба. Судьба – это характер и обстоятельства. Характер можно изменить, а обстоятельства – создать. И очень просто! Гаси свет.

И утром Звягин вырос в дверях несчастного Епишко.

– Дрыхнешь? – грубо спросил он вместо приветствия. – А это что на тебе за обломовский халат?!

– Так суббота же, – пролепетал ошеломленный Епишко, стыдливо запахивая засаленную хламиду.

– Позвольте, – решительно сказал Звягин, содрал с него, преодолевая сопротивление, халат и запихал в помойное ведро.

– Соседское! – взвизгнул Епишко, бросаясь к ведру и путаясь в длинных сатиновых трусах.

В ободранной берлоге, пока Епишко, прыгая на одной ноге, влезал в брюки и путался в рукавах свитера, Звягин снял со стола чайник, полил на стул, тщательно вытер подозрительным полотенцем и уселся, скрестив вытянутые ноги.

– Свински живешь, хозяин, – был результат осмотра.

– У меня была депрессия, – обиженно пояснил Епишко.

– Так ведь депрессия, а не паралич, – справедливо возразил Звягин. – Пол-то вымыть можно? Вот и тряпка, – брезгливо ткнул в епишкинский свитер.

– Слушайте, мне сержант не нужен! – От обиды Епишко осмелел.

– Я был майором, – успокоил Звягин. – Медицинской службы.

И погнал хозяина готовить завтрак.

– Стаканы перемыть, – приказал он, взглянув их на свет. – За такое в повторный кухонный наряд гонят. А это что – чай?.. Это моча дохлого поросенка. Чай заваривают из расчета чайная ложка на стакан. Учитывая сортность, можно больше.

Епишко ощутил себя в стальных тисках чужой воли.

– Веник есть?

– Вообще-то есть... – неопределенно отозвался он.

– Холодильник сломан?

– Если видели, так чего спрашивать.

– Я не видел, я догадываюсь. Одежду часто рвешь?

– А? Ну рву иногда...

– Молодец, – глумился Звягин. Сильными длинными пальцами согнул торчащий в стене гвоздь, раскачал и выдернул. Та же судьба постигла гвоздь в подоконнике и дверном косяке. – Эх, – с вожделием сказал он, – сдать бы тебя на пару лет в хороший стройбат! Ленижай. Бездельник. Неряха. Ты в труд веришь?

– Не знаю, – уныло ответил Епишко, пытаясь сообразить масштабы очередного несчастья, обрушившегося на него в виде напористого диктатора, благоухающего французским одеколоном.

– Труд создал человека, – ободрил Звягин. – Ну – немного трудотерапии! Прачечная у тебя далеко? Эх, занавесочки... эх, скатерочка... это что, наволочка? а по виду и не скажешь...

– Уйдите, – прошептал Епишко и отвернулся, вытирая слезы бессильного унижения.

– Оскорбился, – презрительно заметил Звягин. – Нюнит. Так дай мне в морду, если ты мужчина!

– И дал бы, если б мог, – неожиданно с вызовом ответил Епишко.

– О. Это уже лучше, – одобрил Звягин. – У тебя мама жива?

– Жива...

– Вот ее желей, а не себя. «Надежда и опора»! Выпороть бы тебя ради твоей мамы, да устав телесные наказания не позволяет. Давай чемодан! И сумку давай. Потасили твое голландское белье к трудолюбивым прачкам.

Солнце катилось по сияющим трамвайным рельсам. Девушка в окне четвертого этажа мыла рамы в веселом магнитофонном громе. Звягин мигнул ей, она засмеялась и уронила тряпку.

...На обратном пути Епишко сгребался и семенил под грудой полезных вещей: совок, швабра, веник, молоток, обои, гвозди, и проч., и проч.

– Какое прекрасное утро! – с чувством сказал Звягин, вздевая руку к легким облачкам. Епишко мрачно сопел. Дома он с грохотом свалил все в угол и утер пот.

– Мой дом – моя крепость! – Звягин отодрал болтающийся клочок обоев, с треском распахнул пыльное окно: – Ты стекла мыть умеешь, пожарник?

Епишко незамедлительно выдавил стекло, порезав руку, и горестно наблюдал, как тонкая струйка крови смешивается с мыльной водой и капает в лужицу на полу.

– Наплюй, – посоветовал Звягин, – в понедельник купим в магазине новое.

– Там не будет.

– Тогда у столяра в жэке.

– Его не поймать.

– Дома поймаем.

– У него стекла не будет.

– За живые-то деньги? с чего бы не быть? Не делай проблем. У тебя пластырь есть? А бинта тоже нет? А йод? Ну хоть анальгин-то есть? – у меня от твоих подвигов уже башка потрескивает.

Жизнь переворачивалась: обои клеились, двери красились, барахло выкидывалось, изнемогающая от любопытства соседка звала есть оладьи и томно блестела глазами. Мельтешащий Епишко с завистью следил за скупыми точными движениями Звягина. Загрузил в новый таз гору носков и приступил к стирке, брызгая и суетясь, как енот-полоскун.

– Торопиться, – наставительно сказал Звягин, – означает делать медленные движения без перерывов между ними. Заповедь первая: не суетись. Не дергайся.

За полночь он вернулся домой и полез под душ.

– Тебе же завтра сутки дежурить, – вздохнула жена, открывая холодильник. – Ты родной дочери неделями не видишь.

– «Неудачей от него разит, как псиной», – сказал Звягин, кидая соломинку в стакан с молоком. – На что может рассчитывать человек, когда у него все в полном беспорядке?..

– Ну создашь ты ему порядок... Надолго ли?

– Понимаешь, он словно провоцирует все мыслимые и немыслимые происшествя обрушиваться ему на голову. Некоторым ведь втайне нравится быть страдальцами. Они от этого получают удовлетворение, раз не могут получать удовлетворения от другого.

– Ну что же ты тут можешь изменить, Леня?..

– Дать ему понюхать удачи. Ощутить ее вкус. И отучить его жалеть себя и растравлять свои горести. Налей еще...

Он посчитал, что полученного заряда Епишко хватит на три дня, и навестил его на четвертый.

– Почему верхний свет не горит?

– Лампочка перегорела.

– Почему новую не вкрутил?

– Нету...

– Не мог купить?

– Да вроде была... а стал искать – не нашел... – Епишко пребывал в самом мрачном расположении духа. Он сел в старенькое кресло в углу и нахохлился, как мокрый воробей.

– Вы говорите: то, се... Но как бороться с тем, что автобус уходит из-под носа? Что твоя очередь к кассе всегда медленнее других? Что в магазине оказывается санитарный день, а часы в самый неподходящий момент встают?

– Тьфу. Выходить на автобус за пятнадцать минут. Не обращать внимания на соседние очереди. Раз в год отдавать часы чистить и регулировать. В магазин перед выходом звонить. Усвой простое правило: делать все не в последний миг, а сразу, как только можно.

– А билет на поезд?

– Закажи за тридцать суток с доставкой на дом – это свободно.

– А выберешься за город – и вдруг дождь?

– Слушай прогноз погоды. Возьми зонтик.

– А он теряется!

– Сунь в сумку, повесь через плечо.

– А то, что ногу подворачиваешь по дороге?

– Бегай по утрам, делай зарядку, разминай суставы, связки.

– От судьбы не застрахуешься, – упорствовал Епишко. – Я вот знаю случай: в грозу человека в чистом поле убило.

– А не лезь в грозу в чисто поле! – обозлился Звягин. – А влез – так держись по низинкам. Короче: жить хочешь? Если нет – я пошел.

– Хочу, – тоскливо сознался Епишко.

– Тогда держи, – Звягин достал подарок: блокнот и ручку. – Вставать – в семь ноль-ноль. И в течение получаса подробно записывать, что и когда сегодня надо сделать. Каждому делу отводить на двадцать минут больше нужного: иметь в запасе десять минут до начала и десять – после конца.

– У меня будильника нет, – облегченно сказал Епишко.

– Я предупредил соседку: уж позаботится, чтоб ты не проспал!

Неделю Епишко старался, как прощенный второгодник. Стосковавшись по утреннему сну, объявил грохочущей в дверь соседке, что болен, температурит, и позднее пойдет в поликлинику. Но до поликлиники он не дошел. Медицина явилась к нему на дом, с треском распахнув дверь ногой и роняя капли с зонта.

– Ну? – угрожающе спросил Звягин.

– К-как вы вошли?.. – всполошился Епишко.

– Взял запасной ключ у твоей соседки. Что болит – мозоли от подушки?

Раскрыл сумку:

– Градусник сюда... Покажи-ка язык... пульс... кулак сожми – давление хоть в десант... Скудоумный симулянт! Клистир и холодную простыню – вот что я тебе прописываю! И учти – с живого я с тебя не слезу, – пообещал Звягин.

Подстановывая от старательности, Епишко кинулся приводить себя в порядок.

- Холодильник исправен?
- Нет... Я не успел зайти в ателье!
- Чем так был занят?
- Там все равно на год очередь... У меня денег нет!

Звягин нехорошим взглядом обвел комнату:

- Сейчас будут. – И снял с тумбочки телевизор.
- Что вы делаете?! – закричал Епишко.
- Придержи дверь. – Звягин боком прошел в коридор. – Беги ловить такси.

Выйдя из скупки телевизоров на Апраксином, он протянул Епишко шестьдесят рублей:

- Получи цену крови за свой антироботин.
- Зачем вы продали мой телевизор?! – взбунтовался Епишко, наскакывая на Звягина к

немалому развлечению прохожих.

- Чтоб ты делал свою жизнь, а не смотрел на чужие, – вразумительно отвечал Звягин.

В буфете «Европейской» он купил коробку конфет, которую и вручил приемщице в ателье ремонта холодильников: осклабился, прищурился, пророкотал ей что-то на ушко. Приемщица засмеялась, заволновалась и исчезла.

– Завтра в первой половине дня, – щебетнула она, выныривая из-за занавески и улыбаясь обольстителю.

– Учись, пока я жив, – посоветовал на улице Звягин ослепленному этим фейерверком Епишко. – Холодильник вообще полезнее телевизора – не отнимает время, а наоборот экономит, храня продукты, – а в здоровом теле здоровый дух. Кстати о теле – сейчас купим тебе гантели и тренировочный костюмчик подешевле: бегать по утрам будешь.

- Я под машину попаду, – мстительно сказал Епишко.

- Похоронят, – равнодушно отозвался Звягин.

И стал рассуждать о везении и невезении. Вечный вопрос. «Что было бы, если б такой-то избежал невезения...» Говорят, в характеристиках западных капитанов даже есть графа: «Удачлив ли?» На удачу надо плевать – тогда она придет сама. И быть к ней готовым: недостойному она не поможет – он не сумеет ею воспользоваться, удержать. Ее надо добиваться, но на нее нельзя рассчитывать: везет тому, кто сам себя везет. Когда человек может и без удачи, своим горбом и разумом добиться цели – при любых обстоятельствах! – вот тогда удача сама идет навстречу.

Газовали грузовики, мигали светофоры, текла толпа, – Звягин рубил воздух ладонью, вбивая в Епишко тезисы, как патроны в обойму. Неудачи бессильны против того, кто твердо гнет свою линию. Раз не везет, два, сто, – но не бесконечно. И когда человек обретает умение и мужество держаться вопреки любому невезению – вот тогда он в порядке; и с первой крохой удачи – а эти крохи выпадают всем! – он поперет, как танк.

В дальние дали несло бледнеющего Епишко напором чужой страсти. Но страшно было оторваться от привычного причала.

- Но ведь бывают случайности, когда рушится все?

– У настоящего человека – практически нет! Цезарь в лодчонке нарвался на весь вражеский флот – приказал править к флагманскому кораблю и объявил всех своими пленниками! Верить в себя! Верить. И делать все возможное – тогда невозможное получится само!

«Его нельзя оставлять без присмотра... Но не могу же я пасти его ежедневно: у меня десять суточных дежурств, семья и собственные заботы...»

Расхаживая дома вдоль книжных полок, Звягин составлял список:

1. Джек Лондон. «Мартин Иден», «Морской волк», рассказы.
2. Э. Войнич. «Овод».
3. Б. Полевой. «Повесть о настоящем человеке».
4. В. Богомолов. «Момент истины».

5. Тарле. «Наполеон», «Талейран».
6. А. Парадисис. «Жизнь и деятельность Балтазара Коссы».
7. Р. Сабатини. «Одиссея капитана Блада».
8. Дюма. «Три мушкетера».
9. С. Цвейг. «Звездные часы человечества».
10. Трухановский. «Адмирал Нельсон».
11. Джованьоли. «Спартак».

Дочь заглянула ему через плечо:

– Если это список рекомендательной литературы мне на лето, папочка, то биографий я терпеть не могу, а остальное, кончив уже восьмой класс, давным-давно читала!..

– Это не тебе, – Звягин взъерошил ей светлую короткую стрижку.

– А-а, твоему неудачнику! Он еще не стал суперменом?

– Уже научился злиться, следить за собой, мечтать, кажется, начинает... Парень впечатлительный, пусть читает книги, укрепляющие дух: они заразительны. Не помешает.

Епишко честно читал Лондона, сидя в честно убранной комнате, когда Звягин ввалился к нему с шахматами и учебником для начинающих:

– Семь рублей сорок копеек – с тебя. Доставка бесплатно.

– З-зачем мне шахматы? – удивился Епишко. – Я гантелями занимаюсь! – гордо добавил он, надувая грудь и топыря плечики.

– Дисциплинировать мышление. Уметь сосредотачиваться. Искать варианты и не зевать. Защищаться и добиваться победы. Игра древних владык, – а уж они понимали толк в судьбе. Расставляй!

И трижды разнес хозяина в дым, даже не трогая тяжелых фигур.

Через неделю Епишко, проработавший пол-учебника, неким чудом сумел свести вничью.

– Прогресс, – обронил Звягин. – Когда сумеешь выиграть, сделаю тебе один подарок. Не угадывай, не представишь.

Заинтригованный Епишко зашел раз-другой в Екатерининский садик, где на скамейках под сенью листвы разыгрывали баталии всевозможные любители шахмат: уж они-то знали и умели все. Настал день, когда он звенящим от торжества голосом объявил противнику мат.

– Ты смотри! – кисло признал Звягин. – Способности, что ли?

– Я еще в школе когда-то немножко играл, – сияя и конфузясь, утешил Епишко. – Вы просто в миттельшпиле попали в ловушку, это Алехин...

– Алехин, – пробурчал Звягин. – По утрам бегаешь?!

– Бегаю...

– А брюки кто гладить будет?!

– Я в понедельник гладил...

– Развел опять свинарник!

– Леонид Борисович, – осмелел Епишко, – а... подарок?..

– Обещал – сделаю. В воскресенье.

Но еще до воскресенья, когда на подстанции «скорой» он дремал в комнате отдыха после выезда на дорожное происшествие, его позвали к телефону.

– Леонид Борисович! – ликующе заорала трубка.

– Чего орешь на всю станцию? – спросил Звягин.

– Мне дали премию!!

– Государственную?

– И благодарность в приказе! К годовщине театра! И десять рублей!

– Ну и нормально, – сказал Звягин. – Так и должно быть. Поздравляю, Толя.

– А что это у вас там хлопает?

– Бригада на выезд поехала. Ну, будь, не занимай телефон.

Он протянул трубку в окошко диспетчерше Валечке, положившей ее.

– У вас радость, Леонид Борисович? – любопытствовала Валечка.

– Больной на поправку пошел, – ответил Звягин. – А что, Валечка, похож я на афериста?

Дело в том, что премия Епишко стоила ему двухчасового уламывания начальника пожарной охраны («Епишке благодарность?!») и разъяснительной беседы с директором театра, которому он пообещал достать дефицитное лекарство для жены; с них еще была взята клятва хранить тайну.

Что же до воскресного подарка, то он был преподнесен в ЦПКиО. Первый желтый лист слетал на песок аллеи. Епишко лизал мороженое, изгибаясь вопросительным знаком, чтоб не закапать брюки.

– В блокнот все свои дела с утра записываешь?

– Записываю... почти все.

– На работу не опаздываешь?

– Всего один раз... чуть-чуть.

– А вот и подарок, – объявил Звягин, простирая руку. – Первый прыжок!

Они стояли перед парашютной вышкой. Епишко задрал голову, уронил мороженое и попятился.

Девичья фигурка встала на фоне неба, шагнула и поплыла вниз под куполом, скользящим по вертикальному тросу.

– Восемнадцатилетние пацаны прыгают с самолетов, ночью, на воду, на лес! – а тут тебя еще внизу страхуют.

Дядька под вышкой приобнял парашютистку; отстегнул лямки.

– А лямки не расстегнутся? – шепотом паниковал Епишко, подпихиваемый по крутой лесенке крепкой дружеской рукой.

– У меня семьсот прыжков, – успокоил Звягин, – исключено.

– Можно с-сломать ногу...

– А зачем?

Он пожал руку и шепнул что-то инструктору наверху, лично проверил мелко дрожащему Епишко крепление – и неожиданно сильно толкнул вниз:

– Ахх...

Ужинать он привел его к себе. Счастливый Епишко сидел за белой скатертью и неумело ковырял ложечкой пирожное: он стеснялся.

– Терпеть не могу условностей, – сказал Звягин и, подцепив пальцами пирожное, отправил в рот. – Аристократа не может уронить ничто. Всегда поступай как удобнее – и все будет отлично.

– Простите, вы каким видом спорта занимались? – спросила проинструктированная жена.

Епишко покраснел.

– У вас, знаете, такая упругая походка человека, много занимавшегося спортом.

Правда, прощаясь, Епишко опрокинул-таки вешалку, на что умница-дочь мгновенно закричала, что эта проклятая вешалка падает на нее каждый день, и давно пора ее выкинуть!

Проснувшись среди ночи, жена обнаружила Звягина на кухне: поигрывая желваками и жестко щурясь, он писал крупным почерком:

«Я ЖЕЛЕЗНЫЙ.

Я ВСЕ МОГУ.

Я ВСЕГДА ДОБИВАЮСЬ СВОЕГО.

ТРУДНОСТЕЙ ДЛЯ МЕНЯ НЕ СУЩЕСТВУЕТ.

Я СМЕЮСЬ НАД НЕВЕЗЕНИЕМ.

ЖИЗНЬ ПРИНАДЛЕЖИТ ПОБЕДИТЕЛЯМ.

**СДЕЛАТЬ ИЛИ СДОХНУТЬ!
Я ДОБИВАЮСЬ СВОЕГО ЛЮБОЙ ДЕНОЙ.
Я ИДУ ПО ЖИЗНИ, КАК ТАНК.
Я ОБАЯТЕЛЕН, СИЛЕН, НАХОДЧИВ, ВЕСЕЛ.
Я ГНУ СУДЬБУ В БАРАНИЙ РОГ.
УДАЧА ВСЕГДА СО МНОЙ.
ЖИЗНЬ – ЭТО БОРЬБА, И Я НЕПОБЕДИМЫЙ БОЕЦ.
Я НИЧЕГО НЕ БОЮСЬ.
Я ПОБЕДИТЕЛЬ, И ЖИЗНЬ ПРИНАДЛЕЖИТ МНЕ!
Я УВЕРЕН В СЕБЕ.
Я НЕПОБЕДИМ».**

Жена вытаращила глаза:

– Ты начал писать белые стихи или заболел манией величия?

Звягин нацедил в стакан молоко из холодильника и кинул туда голубую соломинку.

– У него сильнейший, застарелый комплекс неполноценности, – сказал он. – Это надо было переломить. Сейчас дело сдвинулось, он на взлете. Это надо развить, поддержать, закрепить. Вот – как бы аутотренинг. Пусть по утрам и на ночь повторяет себе сии заповеди. Человек ведь может убедить себя в чем угодно, – так надо убеждать в хорошем, а не плохом, нет?

– Думаешь, он уже переменялся?

– Нет, конечно. Еще не раз начудит, падет духом, станет опускаться опять. Тут и надо будет ставить подпорки, как под провисающие провода. А там и выздоровеет. Его невезение – как вирусы, которые здоровый организм давит автоматически. Его духу я и прописал цикл антибиотиков. А что, разве плохую «молитву» сочинил? – спросил он с авторской гордостью.

...Предоставленный сам себе Епишко продержался без опеки две недели. По истечении этого контрольного срока Звягин обнаружил признаки упадка:

– Чего рожа кислая? Веник! Швабру! Совок!!

С мусором из-под дивана вылетел пожухший лотерейный билет.

– Проверял... это старый.

Звягин брезгливо поднял двумя пальцами билет:

– Тираж двадцатого августа – какой же старый, пять дней прошло. Пусто?

Епишко неопределенно пожал плечами.

– Газеты нет? Нет. Спроси у соседки, это совсем недавно.

Епишко покорно, подчиняясь бессмысленному приказу, пошаркал ногами к соседке и принес «Труд». С неохотой повел пальцем по таблице – и открыл рот:

– Электрофон «Аккорд-стерео», девяносто рублей!..

– Врешь, – не поверил Звягин. – А серия? Покажи.

– Впервые в жизни, – ошарашенно прошептал Епишко. – Ур-ра!..

– Можно подумать, «Жигули», – сказал Звягин. – Нормально. Завтра получим в сберкассе и отоварим. Порядок давай!

Девяносто рублей употребили с толком: выбрали светло-серый пиджак вроде звягинского, брюки и голубую сорочку. Старый пиджак Звягин тут же сунул в урну: «Чтоб и духу его неудачливого не оставалось!» На оставшиеся два рубля Епишко вознамерился постричься «у мастера», и стал похож на помощника режиссера.

Позднее жена как-то поинтересовалась у Звягина, где его часы. Он досадливо дернул углом рта: потерял, – видимо, расстегнулся браслет, когда на выезде тащил носилки.

– Леня!

– Ну что?..

– Ты никогда ничего не теряешь.

– Ну вот – начал терять... Может, невезение заразно?..

– Заразно! Скажи правду. Почему ты должен еще свои деньги тратить на этого охламона! Ведь продал, продал?..

– А если б подарил? – укорил Звягин. – Ну, продал. Я не курю, не пью, не собираю марки – могут же у меня быть хоть какие-то самочинные мужские расходы? Ну купил я ему в сберкассе у одного выигравший билет... всего-то девяносто ре – а может они ему всю жизнь изменят.

Жизнь посредством девяноста рублей изменяться не спешила. На спинке стула висел вшпученный пиджак в мерзостных разводах, а на самом стуле сидел Епишко и горевал.

– Я его постирал, – пожаловался он.

– Bravo, первая валторна! – поздравил Звягин. – Стирал – уже хорошо. А зачем? Профилактически? Или цвет плохой?

– Да я на улице об машину запачкался...

– Хорошо: ведь не попал под нее. У меня вчера на выезде человек поскользнулся и влетел головой в витрину – вот это да. А таких запачканных – полная химчистка. Почему туда не сдал?

– Там долго...

– А срочная? Встань-ка; мышцы окрепли, спина распрямилась, все в порядке, – да ты посмотри на себя в зеркало: у тебя же глаза другие стали! Мужчине жалеть тряпку, тьфу!

В «Мужской одежде» Звягин высмотрел серый костюм-тройку. Епишко сглотнул слюну.

– Бери. Рекомендую. Самое то.

Епишко удивился:

– Откуда деньги-то?

– А? – удивился Звягин. – А почему не заработаешь?

– Как?..

– Так же, как все... Ну – нет, так нет. Пошли.

Он оставил Епишко в глубокой задумчивости: почему одни зарабатывают деньги, а другие нет. И можно ли перейти из одной категории в другую.

В этих размышлениях его застала телеграмма от когдатошнего приятеля из Москвы: собирался приехать, по телефону не застал, можно ли у него остановиться? Телеграмму принесла милая девица, картавая и торопливая, которая с ходу подвернула на ступеньке ногу: только охнула. Епишко оказал первую помощь: довел до своей комнаты, туго перебинтовал лодыжку (аптечка давно была!) и на всякий случай налил валерьянки – успокоиться. Говорливая почтальонша развеселилась, затарыхтела: учиться заочно, работает в отделе кадров, телеграммы утром разносит для приработка, на почте люди нужны, у них многие прирабатывают, даже мужчины, студенты, вот он (Епишко) утром дома – так что тоже может, приходите к нам, ха-ха, спасибо, ох, вы не поможете мне дойти?

Зерно упало на удобренную почву: доведя девицу до почтового отделения, Епишко набрался духу для разговора с заведующей – и написал заявление. Справку на совместительство он взял без труда. Несложные арифметические выкладки: скоро серый костюм-тройка перейдет в его собственность.

«И шил костюмы, элегантней чем у лорда», – украдкой насвистывал он по утрам, скача по лестницам и лифтам и звоня в звонки.

– Прирабатываю, – небрежно ответил он на вопрос Звягина, почему утром его никогда нет, коли работает он вечерами.

– Дело. Правильно, – отреагировал Звягин, тщательно организовавший всю эту тайную акцию с телеграммой, девицей и заведующей. Трудно было лишь одно – незаметно выпросить у Епишко о знакомом в другом городе: адресное бюро и междугородный телефон функционировали исправно, знакомый и заведующая оказались понятливы, а девица попалась просто прелесть и коробку шоколада отработала на пять баллов.

...Нет, Епишко не выглядел еще суперменом, но уже не выглядел пугалом. Не выделялся из толпы: человек себе как человек, самый средний. И даже если он ступал из автобуса в лужу,

или ронял деньги у кассы, или попадал без зонтика под неожиданный дождь, – это не выглядело уже комедией из немого кино, равно как и трагедией измученного издевкой судьбы человека: ну, чего не бывает, какая ерунда.

Епишко стал-таки костюмовладельцем, но Звягин опасался, что после исполнения мечты он может остыть, захандрить: чего добиваться дальше-то?.. «Поддернуть его, поддернуть, да у-ухнуть!»

– Ничего костюмчик, – кивнул он, обойдя вокруг Епишко. – Носи небрежнее, не жмись. А вот скажи: ночью снимут его с тебя, ограбят, – что будешь делать?

– Нечего ночью невесть где шляться, – предусмотрительно возразил Епишко, запахивая пиджак поплотнее.

– Ну а – прямо в парадной? В общем – снимут?

Епишко вздохнул, подумал:

– Куплю другой...

– На какие деньги?

– Заработаю. – Епишко понял условия игры и улыбнулся.

– А с почты уволят? Ну не понадобится ты им больше?..

– Что, работ мало, что ли, – сказал Епишко. – Да ладно вам меня экзаменовать, Леонид Борисович, что я, мальчик...

В последнее воскресенье сентября они поехали за грибами – подальше. Поездка планировалась как важная воспитательная акция. Звягин облачился поверх всего в старый маскомбинезон: комбинезону этому отводилась не последняя роль.

– Нож? Спички? Компас? Пошли...

Они углубились в черно-желтый лес, шурша палой листвой.

В лесу Епишко заблудился.

– Э-ге-геэ! – заорал он.

Дальнее эхо аукнуло в чаще и смолкло. Откуда-то – с неожиданной стороны – донесся еле слышный отзыв. Епишко с кликами и треском ломился в том направлении – но отзыв оказался сбоку, потом едва различимо долетел сзади, – и исчез вовсе.

Ему стало страшно. Панически заметался туда-сюда, нервно вскрикивая. Достал компас и непонимающе смотрел на пляшущую стрелку: где что?

Устав, перевел дух, утер пот. Спокойно. Звягин его уже наверняка ищет. Конечно ищет! И главное – не блукать без толку, бредя невесть куда, а оставаться на месте и ждать помощи, регулярно подавая сигнал.

«И вот этот паршивец, – рассказывал Звягин, – преспокойно садится под дерево и жует бутерброд, время от времени трубя, как слон: мне, значит, ориентир дает. Дождь пошел – так он под старую ель перебрался. А еще час-другой – и темнеть начнет!»

В бесконечном лесу, глушащем голоса, Епишко мог долго оставаться ненайденным; трепеща перед таким вариантом, он принял решение выходить самостоятельно. Но в какую сторону? Попытался представить себе карту – не представлялась... Но главное шоссе идет примерно с севера на юг, они пошли с него налево... значит, надо держать на запад! Он достал компас и пошел на запад, спотыкаясь и беря иногда чуть вправо, как учил Звягин: у человека шаг правой ногой на пару сантиметров шире, чем шаг левой, и двигаясь без ориентира он описывает круг.

Иду по азимуту, гордо сказал себе Епишко. Пржевальский, подумал он. Колумб. Вот так путешествуют. Ему стало хорошо и как-то мужественно. Вскоре он сообразил, что при компасе «поправка вправо» излишняя – и так направление держится.

Через полчаса дорога неожиданно открылась сбоку: за деревьями прошумел тяжелый грузовик.

– Молодец, – умиленно сказал себе Епишко, выходя на шоссе. – Умница, мальчик. Вышел, не запаниковал, сумел! Сам, ни на кого не надеясь.

(Сейчас ему, счастливо спасшемуся, искренне так казалось.)

Шоссе прорезало лес и было в этот предвечерний час вполне пустынно. Он дошел до автобусной остановки, где они сошли. Солнце брызнуло алым в щель туч над горизонтом.

Но где же Звягин? Епишко снова занервничал. Не мог же он заблудиться! Уже вышел и уехал в город? – нет, разве Звягин мог его бросить!..

– Я зде-еесь! – закричал он в чащу. – Ээ-ээй!!

Да: там бродит в темных буреломах Звягин и ищет его, а он, благополучно вышедший, стоит здесь в бездействии!

Он потоптался – и ринулся обратно в лес. «Надо делать ножом засечки, чтоб не заблудиться!»

Засечки белели на деревьях. Впопыхах Епишко порезал руку, слизнул кровь, сплюнул; стал внимательнее. Каждую минуту – по часам – издавал вопль, все более хриплый (голос сорвал); искал заблудившегося Звягина.

Звягин, находившийся все эти часы метрах в сорока от него, оценивающе наблюдал действия по своему спасению. Натывав веточек в петли маскомбинезона, сливаясь с зарослями, он бесшумно сопровождал подопечного, поглядывая на часы.

(«До дороги – метров пятьсот. Суетится он, как таракан на горящем корабле! Пишет по лесу зигзаги, пыхтит и на компас смотрит, засечки режет. Но ведь – вышел! И вновь полез – меня искать, не бросил!»)

Помучив Епишко до сумерек (дабы увеличились размеры подвига), он тихонько аукнул, направляя звук ладонью в другую сторону. Выкинул веточки с халата, расстегнулся и взъерошился, изображая утомление.

– Ффу-ух, – шумно выдохнул он, выламываясь из кустов навстречу ликующему Епишко. – Ты где был-то? Я уж тут и сам почти заблудился... В какой стороне дорога-то у нас, представляешь?

Он хотел еще подвихнуть ногу: пусть бы спаситель попотел, но это бы могло уже показаться подозрительным. Поднимая подопечного до своего уровня, нельзя впадать в ошибку и спускаться самому до его уровня; а если и можно, то незаметно, так, чтоб авторитет в его глазах не мог упасть, подумал Звягин.

– А чего кровь на щеке?

– Где? А... Сучком поцарапал. Хорошо, что не в глаз, – весело ответил Епишко. Его триумф не могло омрачить ничто.

На подхопивший автобус он смотрел так, словно сам этот автобус сделал и доставил сюда. Кругом была жизнь, та самая, которая борьба, и он в этой жизни был хозяин.

Теперь раз в неделю они со Звягиным играли в шахматки, болтали; Звягин давал ему новые гантельные комплексы и списки литературы (доверенные жене). В Епишко почуялась какая-то новая задумчивость – не меланхоличная, как встарь, а с неким прикидывающим, конкретным выражением. Звягин расшифровал это выражение как мысли о будущем.

– Блокнот, – он протянул руку.

Епишко достал свой «организационный» блокнот, исписанный почти до конца, покраснел, поколебался (его уже давно не контролировали). Демонстративно не замечая его смущения, Звягин перелистал последние записи.

– Смеяться не надо, – тихо попросил Епишко.

– А над чем, – спокойно сказал Звягин. – Извини, что посмотрел. Мы же друзья.

Епишко отважился взглянуть ему в глаза:

– У вас легкая рука.

– Я знаю. На самом деле – у тебя тоже. Просто тебе долго не везло. Это ведь и вправду бывает. Я только помог тебе переломить невезение. А дальше ты и сам можешь.

«Обширная программа... Расчет верен: он настолько отстал от сверстников – и работа, и семья, и жилье, и образование – ничего нет, но еще не поздно; ему есть чего добиваться – есть стимул. А там он будет уже в колее – и никуда не денется...»

И сеялся снег за синим окном, когда по ноябрьскому, первому, праздничному морозцу ввалился Епишко без предупреждения в гости.

– Я не девица, – мрачно сказал Звягин букету роз.

– Жене... хозяйке-то можно?

– Откуда узнал, что она именно розы любит? – смягчился Звягин.

Епишко радостно откашлялся:

– Хочу лично посоветоваться, Леонид Борисович...

Ему подвалила грандиозная удача – предложили работу по специальности. Перед театром столкнулся со старым приятелем, заговорили о жизни, – и всплыла должность техника в их проектном институте. Образование неоконченное высшее у него есть, перед начальством и в отделе кадров приятель обещал все уладить. Видимо, потребуется заочно кончать институт. Зарплата для начала не шибко большая, но – главное зацепиться.

– Нет чтоб самому работу искать, – ждешь, пока она сама тебя найдет! Везенье везеньем – но вези себя и сам!

– Да я уж начал подыскивать, – оправдывался Епишко. – Я ж понимаю – не всю жизнь в пожарных...

– Оденешься как следует, – советовал Звягин. – Спросят о причинах театральной твоей одиссеи – туманно намекай на трагическую любовь, люди склонны такому сочувствовать. Соври, что в студенческом научном обществе занимался некогда именно той темой, на которую сейчас тебя посадят. Цветочки-конфеточки сунь в портфель для дам из отдела кадров...

За спиной Епишко вырастали крылья, и он пробовал их на прочность.

– Шахматишки?

Епишко выиграл и удалился победно, благословленный.

– Зачем ты ему проиграл? – уязвленно спросила дочь.

– Пусть будет уверенней в себе, – отмахнулся Звягин.

– Что ж ты тогда его для большей уверенности в себе в кооператоры не пристроил? Хоть деньги бы получал, а что там в этом институте...

– Ставлю тебе диагноз: ранний американизм. К волчьей борьбе на свободном рынке парень еще не готов: сожрут, обманут, подставят. Пусть пока походит в загородочке на полтора рубля.

– Находил его однокашников, звонил по квартирам, уламывал в институте, а он и знать ничего не будет...

– А зачем?

– Хоть бы спасибо сказал... Обидно.

– Кто я? – требовательно спросил Звягин.

– Кто ты... Мой папа.

– Кто я? – повторил он.

– Врач, – продолжила она перечисление его ролей в жизни.

– О! – Звягин сунул руки в карманы и с фатовским видом плюхнулся на диван, откинувшись и закинув ногу на ногу. – Стоит ли вкалывать, – он сощурился, – спасая человек, падающих, разбивающихся и тому подобное, чтобы они были несчастными неудачниками? А потом, – он засвистел начальные такты «Турецкого марша», – много ли ты знаешь людей, умеющих делать невозможное? Заметь: без всяких чудес – и не зная осечек. А?

– Ты у меня ужасный хвастун, – влюбленно сказала дочь.

– А теперь подай отцу стакан холодного молока. – И Звягин раскрыл «Историю античных войн», заложенную на битве при Гавгамелах. Увлечения его бывали непредсказуемы.

Глава III

Некрасивая

– Не люблю я сказки, – насмешливо отрезал Звягин, оглядываясь на витрину охотничьего магазина.

В это воскресенье он не дежурил, и жена вытащила его гулять на Невский: ноябрь про- блеснул солнцем.

– Сказки?! – обиделась жена. – Суть «Пигмалиона» не в сюжете, а в социальных отно- шениях людей...

Перед светофором с визгом тормознула «скорая», из нее высунулась пиратская рожа Джахадзе и прогорланила:

– Папе Доку привет!

Звягин махнул перчаткой из толпы. «Скорая» выкатила на осевую и рванулась мимо сто- ящих автобусов.

– ...искусство – это всегда условный мир, отражающий...

– А я живу в безусловном мире! Я человек конкретный. Я врач, я восемнадцать лет носил погоны, я привык видеть жизнь такой, какая она на самом деле, без стыдливых умолчаний и прикрас. А от твоих сказок – один вред!

– От «Пигмалиона» вред?! – задыхнулась жена. Двадцать лет семейной жизни не отучили ее от безуспешных попыток приохотить Звягина к шедеврам мировой литературы.

– Вред и бред, – упорствовал в ереси Звягин. – Еще и за правду себя выдает! Вот и начнут грезить замухрышки о добром дяде: подберет, обеспечит, научит красиво говорить... помое- т-приоденет – и готова герцогиня. Ха-ха.

Они перешли к Казанскому собору: очередь у входа, голуби в сквере...

– ...а закроет несчастная мечтательница книжку, посмотрит вокруг: «Где же обещанное чудо?...» – и вешает унылый нос... Делать-то все приходится без чудес и добрых волшебников.

– Ты путаешь литературу с жизнью, а сам вещаешь прописные истины!

– То-то и беда, что из-за твоих сказок люди отделяют литературу от жизни и забывают прописные истины!

И он завертел головой по сторонам, словно искал подтверждение своим мыслям.

Здравые мысли имеют обыкновение раньше или позже подтверждаться. В данном случае это произошло незамедлительно.

– Любишься, – с холодным удовлетворением указал Звягин. – А?

Существо стояло на автобусной остановке, сунув руки в карманы широčenной блекло- черной (по моде) куртки. Зато джинсы были в обlipку, и даже самый скверный геометр не назвал бы линии ног прямыми.

– Это он или она? – усомнилась жена в нелепом силуэте.

– Оно! – полыхнул сарказмом Звягин. – Одета-обута, грамотна-обеспечена, стра- шила-страшилой.

Из-под вязаной шапочки по ним презрительно скользнули глазки, крохотность которых искупалась размерами носа, наводившего на мысль об орлах и таранах галер.

– Поможет несчастной страхолюдине твой профессор Хиггинс со своей ванной и фоно- графом? Говорить нынче умеют все: телевидение! – дурак дураком, а шпарит как диктор. И манер в кино насмотрелись. И одеваются по журналам: нищих нет...

– Да, да, – поспешно согласилась жена, таща его вперед. Но немного не успела.

«О, какая ужасная селедка», – тихо поразился юный басок. «Гибрид швабры и колючей проволоки», – согласился тенор. И пара приятелей остановилась было рядом.

Нелестная характеристика слышалась и той, кого касалась. Вздернув губу, девица отрубил фразу – не из словаря диктора телевидения. Приятелей шатнуло.

– Развлекаемся? – спросил их Звягин, улыбаясь мертвой улыбкой; шрамик на скуле побелел.

– Леня, – тревожно сказала жена, меняясь в лице, – мы идем в Эрмитаж!

Приятелей сдуло.

Публика изображала непричастность к происходящему. Скандализованная старушка обличала «нынешних». Запахло склокой. Девушка тщетно принимала независимые позы. Напряжение гонимого существа исходило от нее.

– Мои ученики ходят в Эрмитаж чаще, чем мы...

Звягин задумчиво сощурился. Глаза его затлели зеленым кошачьим светом. «Пигмалион»! – процедил он. – «Хиггинс! Шоу!»

Он переступил на месте.

Подошел автобус.

– Ира, – Звягин поцеловал жену, – сходи сегодня сама! Ну пожалуйста.

Ответ не успел: он как-то сразу отдалился от нее и переместился к остановке, будто влекомый посторонней силой. Вслед за девицей втиснулся в автобус, и двери захлопнулись.

В автобусной толчее он бесцеремонно в упор разглядывал злополучное создание. Через минуту оно задрало прыщеватый подбородок и, ответив ему высокомерным взглядом, отвернулось с оскорбленным лицом. За четверть часа на лице сменились все оттенки независимости и неприязни. Резкие черты Звягина не выражали ничего, кроме интереса естествоиспытателя.

На Суворовском она выскочила и понеслась размашистой походкой матроса, опаздывающего из увольнения.

– Девушка, одну минутку!..

Она резко свернула и на красный свет перебежала проспект – прямо в объятия милиционера. Милиционер оживился и отдал честь. Девица стиснула зубы, испепеляя его взглядом.

– Мы опаздываем к больному, – уверенно представился Звягин за ее спиной, извлекая удостоверение – в подтверждение своих слов – и деньги в подтверждение своей вины.

Милиционер поколебался. Признанный хозяином положения, он ощутил более достоинства не в строгости, а в благородстве.

– Больше не нарушайте. – Он снова отдал честь и отодвинулся, давая понять, что инцидент прощен.

На ходу глядя в сторону, девица пролаяла:

– Что вам надо? Все разглядели?

– Давайте выпьем кофе, – мягко предложил Звягин.

– А-а: вы одиноки. Вы, наверное, кинорежиссер. Или художник. Нет? Ну тогда засекреченный ученый. А, – вы шпион и хотите меня обольстить и завербовать!

– Ну, еж колючий, – рассмеялся Звягин.

– А вы... отцепитесь, старый козел! – отчаянно выпалила она.

Встречная красавица, грациозная стрекоза, улыбнулась Звягину уголком детских губ. Он не был похож на старого козла.

– Крута, – оценил Звягин, – крута. Не хотите знакомиться... Тогда позвоните мне, пожалуйста, – протянул ей визитную карточку. – Всему можно помочь, – добавил он.

– О чем это вы? – не поняла она. – Еще чего не хватало! – И сунула карточку в карман.

Остаток воскресенья Звягин посвятил доведению квартиры до адского блеска – во искупление вины. Дочка металась на подхвате: сочувствовала; и хихикала. К ужину жена оттаяла.

– Полчаса стояла перед Боттичелли, – делилась она. – Никто, наверное, не умел так видеть красоту...

– А что такое красота? – живо спросил Звягин, хлюпая молоком через соломинку.

Жена готовно приняла учительскую позу.

– Платон, – сказала она. – Сократ. Чернышевский. Эстетика.

– Сократ, – сказал Звягин, поднимая руки вверх. – Я понимаю. Ты мне скажи, чем красивая женщина отличается от некрасивой? Конкретней. – Он приготовился загибать пальцы.

– Черты лица... фигура... – она растерялась. – Ну глаза, нос, рот... волосы...

– Волосы, – сказал Звягин. – Да-да. Ноги и шея с ушами.

– Шарм, – сказала дочка. – Прикид.

– Хорошо – мода. Условность, привычка: у каждой эпохи, расы и так далее – свои понятия о красоте. Так: биологическая основа, целесообразность: продолжение рода, – он изобразил руками формы секс-бомбы. – Но почему красивы и черные волосы – и золотые, и карие глаза – и синие, и курносый носик – и прямой? Зачем нужны длинная шея и ровные зубы – что ими, проволоку грызть?..

– Почему ты этим заинтересовался? – проницательно спросила жена.

– Папа хочет знать, что такое красота, прежде чем браться ее делать, – объяснила дочка, догадливое юное поколение. – Он сегодня весь день «Турецкий марш» пел: что-то задумывает!

– Опять твои безумные прожекты, – вздохнула жена. – Теперь – та страшенькая, да?

– Ура, – успокоила дочка. – Она уродина? значит, ты можешь не ревновать...

Дотошный допрос не кончался.

– Если красота – это совершенство, то почему заурядная лань красивее самого совершенного крокодила?

– Линия, цвет... ассоциативный образ: теплое, гладкое, чистое, легко движется. Вызывает приятные ощущения...

Дочка, проходя перед сном из ванной, резюмировала эстетический диспут кратко:

– От разговоров еще никто красивее не делался.

Девушка не позвонила, к некоторой досаде Звягина.

Но общежитие, куда она вошла, он заметил.

Ночью на кухне он отшвырнул Платона и учебник по эстетике и нацедил ледяного молока из холодильника. Обстоятельно перечислил на бумаге:

«1. Глаза.

2. Нос.

3. Зубы.

4. Волосы.

.....

.....

23. Ногти.

24. Голос.»

Он пожалел, что не знаком с условиями конкурсов красоты. Против каждого пункта, добросовестно вдумываясь, проставил оценки по пятибалльной системе. Средний балл у девушки получился два и три десятых. Подбив неутешительный итог, Звягин зло засопел и достал еще бутылку молока. Вверху списка надписал: «Имеем», на чистом листе: «Требуется», на другом: «Что делать»...

Утром, вернувшись на подстанцию с первого вызова, он изучающе вперился сквозь окошечко в диспетчершу.

– Леонид Борисович?! – изумилась она, краснея.

– Валечка, дай-ка мне телефончик своей косметички...

Летя в «скорой» по Обводному, обернулся в салон к фельдшеру:

– Гриша, ты где мышцы качаешь? На стадионе Ленина? Познакомишь меня завтра с тренером.

Перечень действий оснащался конкретными адресами и фамилиями. Лохматый Гриша перемигивался с медсестрой.

Девушка позвонила на третий день.

Они встретились в полупустом по-утреннему кафе.

– Клара, – назвалась она, взбивая волосики.

– И имя-то у тебя какое-то... царапучее, – он вздохнул.

– Горбатого могила исправит, – беспощадно сказала она.

Он пожевал апельсиновую дольку, сплюнул косточку, откинулся на спинку стула: обозрел Клару критически и деловито – так папа Карло, наверно, смотрел на чурку, из которой собирался вырезать Буратино.

– Можно и раньше, – лениво пожал плечами. – Это все исправимо...

– Предлагаете мне себя и песка на воротник в придачу.

– Ни меня, ни песка ты не получишь, – открестился Звягин. – Но у меня вот какие сообщения...

Сообщения были прерваны скрипучим смешком:

– Ага! Прическа, модная одежда, гимнастика, самовнушение: «Я самая привлекательная, я самая обаятельная!...» Хватит, нахлебалась уже в кино подобной чуши... розовых сказочек для дурачков.

– Сказочек не будет, – уверил Звягин. – Только реальность. Знаю я в Риге хирурга, который удлиняет калекам ноги на двадцать пять сантиметров: приживляет консервированную кость. Знаю женщину, которой академик Углов сделал серию операций на голосовых связках – мелодичный голос вместо хриплого баса.

Перечень был длинен.

– Сказочки не для нас. Для нас – работа. Усталость. Боль. Терпение. Только так все в жизни и делается.

Теплая волна доброты, уверенности, **надежности** исходила от него. Это ощущение покоя и добра было настолько сильным, что Клара неожиданно для себя улыбнулась. Баюкала песня сирены, что все достижимо и все будет хорошо, но у сирены был жесткий металлический баритон и несокрушимая логика.

– А с виду вы злой и самовлюбленный, – сказала Клара.

– Завтра я дежурю, а послезавтра в четыре жди у метро «Маяковская». И возьми с собой купальник.

– Это еще зачем?! – ошетинулась Клара.

– В физкультурном диспансере тебя посмотрит одна умная старая врачиха – для начала.

Колесо событий подхватило ее, швыряя в решительные перемены: она более не сопротивлялась.

(«Исчерпал все обаяние, – смешливо жаловался Звягин жене. – Хуже, чем когда ухаживал за тобой в институте». – «Да? – удивилась она. – А я всю жизнь была уверена, что это я за тобой ухаживала».)

Врачиха в диспансере оказалась не такая старая.

– Сделай двадцать приседаний... Быстрее! Пульс... сто четыре. Давление... сто двадцать пять на семьдесят пять. Вдохни – дуй. Легкие – две семьсот. Сюда. Выпрямись. Рост – сто шестьдесят шесть... Вес... сорок девять триста. А кажешься выше...

– Это оттого, что сутулится, – сказала медсестра.

– Сложение стайера... ты на длинные дистанции никогда не бегала?

– И незачем, – отверг Звягин, неожиданно входя: в белом халате и с какими-то бумажками – Клариными анализами. – Проверь-ка ее на велоэргометре.

Здесь он был – врач, и Клара не застеснялась.

– Нормально, – обронил он. – А рефлексы?

По слякотному Невскому он проводил ее до остановки.

– Ну – и как я вам понравилась? – вызывающе спросила она. Она уже ненавидела себя за этот стриптиз, дура набитая, уродина кривоногая. И купальник идиотский, мерзкого фиолетового цвета. Интересно, какая у него жена. Красивая, конечно...

– Ничего, неплохо, – с энтузиазмом сказал Звягин и положил тяжелую руку ей на плечи.

– Что – неплохо? – зло и недоуменно уставилась она. – Хотите сказать, что вам было приятно смотреть на меня голую?

– От голых у меня за двадцать лет работы, милая, в глазах рябит, – сказал Звягин. – А хорошо то, что ты здорова и тебя можно раскармливать и тренировать. И сложена не так ужасно, как кажется.

– Ах-х – немного труда, и все исчезнет! Да?

– Нет. Много труда. Очень много. Ничего, потерпишь.

– А если не потерплю?

– Голову сверну, – промурлыкал он.

Она отвернулась: почувствовала, что сейчас заплачет, захотелось уткнуться в его серый реглан, и чтобы он обнял ее своими тяжелыми руками, и пусть свернул бы шею – но никому больше не дал бы тронуть.

– У меня никогда не было отца, – вдруг сказала она, поддавшись течению своих мыслей.

– Я знаю, – отозвался он и обнял ее именно так, как она только что мечтала.

И тут она заревела. Совсем нервы сдали.

«Как ужасно, как ужасно быть такой! Сначала в детстве не понимаешь, я любила драться с мальчишками, гордилась собой... А потом, лет в шесть, особенно в школе, уже чувствуешь: с тобой меньше играют, меньше зовут, как-то все радости тебе достаются во вторую очередь... Учительница ласкова, справедлива, и от этого несправедливость других еще больше, а внутри уже поселилась неполноценность, горе второсортности, комплекс милостыни – что все хорошее, выпадающее тебе – это не от сердца дают, а по обязанности, подчеркивая справедливость, и уже кажется, что это не заслуженно, а из милости, и надо усиленно благодарить кого-то... Но в восемь лет это только смутные чувства, а потом начинаешь понимать, происходит страшное – когда другие хорошеют, превращаются в девочек, а ты... в классе появляется напряженность между девочками и мальчиками, и когда дразнят или даже бьют – в этом какой-то дополнительный смысл, стыдный и счастливый... А ты в стороне, сама вступишься за кого-нибудь – накостыляют тебе, а даже лупят совсем не так, как красивую, равнодушно и больно лупят – без интереса. И лето, и физкультура, все украдкой разглядывают и оценивают друг друга, сравнивают... красивые так беспечны, веселы, уверенны, – **значительны**, уже ходят на танцы; и начинаешь реветь ночами в подушку, и не жизнь раскрывается впереди, а черная истина... бьешь себя в ненависти по лицу, до одури смотришь в зеркало: чуть лучше? выправляется!!! вдруг нравишься себе: ничего, кое-чего стою, даже мила, – но обман смывается безнадежной тоской: мерзкий лягушонок, доска... Семнадцать лет, все веселятся, у кого-нибудь вечером с тобой тоже танцуют и шутят, так чудесно, да никто не проводит, не ходит с тобой. На праздник не позвали, делаешь вид, что и не знаешь о собирающейся компании, а внутри все дрожит, до самого конца надеешься – спохватятся, позвонят... и весь праздничный день сидишь у телефона: сейчас извинятся, пригласят... – нет.

Возьмет с собой красивая подруга – так ведь для удобства, из приличия, ты ей не соперница. И знаешь это – а все равно идешь, потому что жить хочется, радости, любви, вечно одна, а позвали мальчики – так это не тебя позвали, а чтоб ты ее с собой привела, красивую.

И посмотрит на тебя только такой же урод, как ты сама. И не потому, что нравишься, – на других, покрасивее, он смотреть боится, не надеется; а ты – что ж, ему под стать, два сапога пара, уж лучше с такой, чем ни с какой, с кем же тебе, мол, быть, как не с ним... и такая к нему ненависть и презрение, что ногой бы раздавила, как червяка...

Выходят замуж, белые платья, поздравляешь их, красивых, счастливых, целуешься, а внутри как маятник: то плачешь, так их любишь и счастья желаешь – будьте счастливы и за себя, и за всех неудачниц, – а то позавидуешь такой черной завистью – взглядом убила бы, и сердце болит, как бритвой пополам режут.

А иногда махнешь: гори все огнем, один раз живем, что ж за монашество, давай во все тяжкие, как сумеем – так повеселимся... да после самой противно. И смотришь волком, и ходишь каракатицей, ладно еще, что не я одна такая: соберемся вместе и проводим время как можем, здесь мы друзья-товарищи по судьбе и несчастью, и ничего, живем не хуже других: и одеваемся, и в театр ходим, и в отпуск ездим...

Я уже привыкла, смирилась: ну одинокая, ну мало ли таких... не инвалид – и то счастье. А тут вы... эти надежды... прикажете – я в огонь пойду, в прорубь брошусь!.. – прожить один год – год бы! красивой и молодой – ничего за это счастье отдать не жаль...»

Пять часов Звягин просидел на телефоне и через пятые руки снял комнату, не сходя с места. (Он вообще любил телефон – признавая в разговорах только кратчайший телеграфный стиль.)

– Для любого дела нужна база, – сказал он, обводя интерьер рукой и вручая Кларе ключ. – Платить за нее твоей зарплаты хватит. – И по-хозяйски раскинулся в единственном кресле.

Клара поставила на стул спортивную сумку и принялась обследовать квартиру, как обживающая новое место кошка. Звягин выложил из портфеля книгу по диетологии и общую тетрадь:

– Сладкое, жирное, мучное – без ограничений! – С мечтательным видом ободрил: – Сколько женщин, мечтающих похудеть, завидовали бы твоей диете – с ума сойти.

Клара внимала приказному тону:

– Утром натошак и перед сном – на поллитровую кружку пивных дрожжей сто граммов сметаны, два сырых яйца и щепоть соли. (Она поморщилась.) Что?! Так спортсмены быстро набирают вес для перехода в другую весовую категорию. Халву любишь?

– Халву? Люблю. Я еще курицу люблю, – сообщила Клара, ревизуя свои гастрономические интересы.

– Познакомлю тебя с девочкой в «Восточных сладостях», будешь у нее покупать. Есть на ночь, чтоб не перебивать аппетит. Куры без толку. Раз в день – жирная жареная свинина с картошкой. Белый хлеб, масло, макароны с сыром, картофельные салаты с майонезом... в чай – больше сахара и сливки или сгущенку. Ты печь умеешь?

– Что печь? – озадачилась Клара.

– Ты, я чувствую, хотела поправиться по-щучьему велению! – рассердился Звягин. – Ну что пекут? Пирог! Блины! Не умеешь? – так я и знал. Держи кулинарное пособие, плита с духовкой на кухне, с соседями подружись сама. Меня встречать серым пирогом с капустой.

– Да я ж себя не прокормлю, – мрачновато оживилась Клара, листая тетрадь с меню.

– Я твои доходы и расходы уже подсчитал за тебя, – хмыкнул он. – Ты получаешь на своем ЛОМО под двести рублей и тратишь только на себя, не приbedняйся. И не жди результатов сразу, если за первый месяц прибавишь полкило – хватит.

– А если не прибавлю?

– А куда ты денешься, – уверил Звягин. – Спишь сколько?

– Ну, часов семь, восемь... иногда меньше.

– Отставить. Молодые женщины и спортсмены должны спать по десять часов.

Вечером она блаженствовала в ванне с хвойным экстрактом (приказано – ежедневно, для общего тонуса) и собиралась с духом перед завтрашним решительным шагом – первым решительным шагом на обещанном тернистом пути в обещанное счастье.

– Не слишком ли ты жесток к девочке? – предостерегла жена Звягина.

– Толку ей в моей жалости, – фыркнул он. – А в простые средства я верю.

И в субботу в семь утра, когда в парикмахерской было еще пусто, и мастерицы в служебке пили чай и говорили о модах Пьера Кардена, Клара села в кресло и кратко велела:

- Под машинку.
- Как? – не поняла матрона в перстнях.
- Под ноль! – повторила Клара, от неловкости вызывая и громко.

В глазах матроны отразилась работа мысли. Из дверей высунулись любопытные лица мастериц. Клара закрыла глаза.

Прохладная стрекочущая тяжесть машинки ходила по голове. Экзекуция длилась минуту. Эта минута воспринималась как бесконечное преодоление смертельного рубежа. Рубикон был перейден, жребий брошен, пути назад не было. План Звягина был адски точен.

– Пожалуйста, – обиженно сказала матрона, сдергивая простыню. Как с открывающегося памятника, подумала Клара.

Чужая неумная физиономия глянула из зеркала. Физиономия была большая, а бесстыже-голая белая головенка – маленькая. Топорщились безобразные уши. Головенке было холодно.

Клара судорожно втянула воздух. Да, волосы были реденькие, бесцветные, жалкие, – но это...

- Двадцать копеек, – матрона стряхнула жидкие пряди с простыни.

Из-за дверей послышался сдавленный смех.

На чужих деревянных ногах Клара прошагала из зала, натянула до шеи вязаную шапочку и выскочила вон.

Дома поревела, померила одолженный у подруги парик, успокоилась, развеселилась; сделала компресс из хны, намотала полотенце тюрбаном... В таком виде и застал ее Звягин.

– Салют мужеству! – весело приветствовал он, вручая сверток – портативный кварц. – С тебя двадцатка, доставка бесплатно.

- Где вы взяли? – Она уже видела себя загорелой среди глухой сине-белой зимы.

– В магазине медтехники, о существовании которого ты вполне могла бы знать. Где мой пирог? М-да, первый блин комом... Ну – собирайся!

В спортзале с грохотом рушились штанги. Полуобнаженный атлет бросал указания, обходя свое царство с владетельным видом, играя мускулатурой. Он приблизился – и оказался мал и тонок в кости, как подросток.

– Раньше железом занимались? – утвердительно-хмуровато спросил он, оценивая развернутые плечи Звягина.

– Заняться надо девушке. – Звягин не удержался от мальчишеского удовольствия до хруста стиснуть тренеру руку. Тот поднял брови, напрягся, крикнул, расцвел.

В комнатке наверху, оклеенной фотографиями гераклов и заваленной журналами, он дважды медленно обошел вокруг Клары, готовой провалиться в своем купальнике и парике. Помычал, покивал, бесцеремонно ощупал мышцы мозолистыми царапучими пальцами.

- Сырой материал, – удовлетворенно заключил он.

В зале проверил, как Клара трепыхнулась под перекладиной, подергала динамометр, присела с пудовой гирей – не встать. Вернувшись с ней наверх, спросил ждавшего Звягина:

– Почему не пошли в секцию женской атлетической гимнастики? Их сейчас полно. Там все условия.

– Слышали именно о вас, – ответил Звягин. – Нужна консультация и руководство для занятий дома – посещать зал не будет возможности. Нужен максимум результата в минимум времени.

Польщенный тренер подумал, кивнул. Стал чертить и писать в тетрадке:

– Накачиваем внутреннюю поверхность бедра: длинную приводящую мышцу; полусухожильную; нежную; портняжную. Затем большие ягодичные и икроножные. По старой

системе Уайдера: четыре серии по четыре повторения, восемьдесят процентов от максимальной нагрузки... Прямая и косые живота... Для грудных мышц...

Он вручил Кларе папку с вырезками из журналов и переводную со словацкого книжку Яблонского:

– Изучишь, перепишешь, через неделю отдашь. Заниматься – через день, без всяких пропусков! Хватит упорства?

– Хватит, – сказал Звягин.

– Завтра пусть приходит на тренировку: поставлю ей первый комплекс. Потом, если захочет заниматься дома, раз в две недели – показываться сюда мне. Через год будет фигура принцессы. Быстрее невозможно!

Весы, эспандер и гантели были куплены. Наклонную скамейку и стойки для штанги сделал столяр в жэке. Штангу же Звягин соорудил из куска водопроводной трубы и двух мешков с песком: «Для твоих целей – в самый раз».

– Английские морские кадеты, – сказал он, – полчаса утром стоят у стенки, прижимаясь к ней пятками сомкнутых ног, икрами, задом, локтями, лопатками и затылком. Так они вырабатывают безукоризненную осанку офицеров флота. Мысль уловила? Полчаса!

Масла в огонь подлила старая балерина, ведущая хореографический кружок в Доме культуры.

– Дружок, – ужаснулась она, – у вас походка каторжника! Вы совсем не умеете пользоваться ногами, девочка!

– Я не балерина, – угрюмо сказала Клара, ненавидя Звягина за очередное унижение.

– Вы женщина! – возвала балерина, откидывая гордую седую голову. – Разверните носки! Больше! Идите к зеркалу. Подавайте ногу не коленом вперед, а бедром, бедром! Видите? носки развернуты, икры сблизились, линия бедра выпрямилась, нога стала стройной, а не кривой, вы видите?!

– Обман зрения, – ухмыльнулась Клара.

– Явить красоту там, где ее не было – это искусство, а не обман, – возразила балерина. – Из уважения к вашему опекуну я поработаю с вами, дружок.

...Идея перевоплощения открывала бесчисленные свои стороны и овладевала Кларой все полнее и бесповоротнее. Вечерами она училась печь. Блины горели, булки обугливались снаружи и оставались клейкими внутри. В синем чаду искушающий джинн рисовал картины счастливого будущего: красавица принимает влюбленных гостей за роскошным праздничным столом.

Теперь она крутилась, как белка в колесе, и колесо это все явственнее превращалось в колесо фортуны. Осанка, тренировка, походка, аэробика, готовка, питание, самомассаж, кварц, ванна, взвешивание... Она купила самую дешевую электробритву и раз в неделю брила короткий колючий ежик на голове: рыхлая белая кожа посмуглела, стала плотной, парик уже не мешал на работе. Она поймала себя на том, что зеркало из врага превращается в друга: надежда укоренилась в ней, как неистребимый репейник на пустыре.

Приходил Звягин, валился в кресло, откусывал пирог, безжалостно волок ее за шиворот дальше:

– Что значит – времени нет?! Вот будет у тебя муж, да дети, да болеют, да стирать, готовить, доставать, да самой на работу – то ли запоешь!.. Это все цветочки – дождешься ягодок.

К Новому году Клара прибавила, наконец, килограмм. Звягин торжествовал победу: «Самое трудное – дело сдвинулось с места! Дальше пойдет легче».

После очередного телефонного рапорта Клары жена не выдержала:

– Леня, ну зачем ты так мучишь девчонку несбыточными иллюзиями! Раньше или позже тебе это надоест, как надоедали все твои ненормальные увлечения, и с чем она тогда останется?..

Хорошее настроение Звягина было несокрушимо:

– С приличной внешностью – вот с чем она останется! Если красивая женщина отличается от некрасивой, собственно, лишь некоторыми деталями, то каждую деталь по отдельности можно – и нужно! – привести в порядок. Это предельно просто и очевидно.

Относительно простоты он немного преувеличивал: хорошего протезиста-стоматолога пришлось поискать.

Громоздкий и ловкий, как медведь, стоматолог сунул Клару в кресло, включил слепящую фару и полез ей в рот:

– Так, хорошо, правильно... – поощрительно урчал он. – Через месяц можете сниматься на рекламу зубной пасты. – И достал из стерилизатора шприц.

В животе у Клары похолодело тягуче и жутко.

– Прямо сейчас... уже?.. – в панике спросила она, надеясь на первый раз отделаться осмотром.

– Женщины вообще храбрые, – сказал стоматолог. – Недавно у меня один здоровый мужик – увидел шприц – и потерял сознание.

Клара зажмурилась, открыла рот и судорожно вцепилась в ручку кресла.

– А что вы вцепились в кресло? – обиделся стоматолог. – У меня больно не бывает.

Страх инквизиторской пытки сменился радостным удивлением: оказалось вполне терпимо. Мохнатая лапа стоматолога, в которой щипцы выглядели маленькими, действовала без видимого усилия. Звякнуло в плевательницу – раз, два, три... четыре...

– И как вы эту гадость во рту терпели... – сочувствовал стоматолог. – Во-от сюда мостик поставим... короночку, и здесь... эти пеньки сточим и на штифтики поставим фарфоровые – как по ниточке ровно будет.

– Шпашибо, – прошамкала Клара, вставая.

– Не разговаривай. Через неделю подживет – и начнем...

Дома она долго скалилась в зеркало. «Как прореженный огород...» Всплакнула, но долго плакать было некогда: упражнения для ног, аэробика, компресс на голову, ванна, – а завтра в шесть вставать на работу.

Последующие визиты слились в цепь дней, четко делившихся на две половины: страх и тоска ожидания – и некий блаженный хмель от того, что все прошло небольно и хорошо. Она садилась в кресло, и в мозгу словно открывала работу слесарная мастерская: грохот, скрип, тряска, во рту жужжало и хрустело, пахло едким лекарством и жженой костью, аж дымилось, губы оттягивались ватными тампонами, и вдруг проливалась на язык прохладная струйка воды. От напряжения она забывала дышать. Стоматолог промакивал ей пот салфеткой и успокаивающе урчал.

Она подсчитывала, во что ей обойдутся новые зубы. Черная касса, продать новые сапоги, подзанять... ничего, рассчитается.

– Какая ерунда! – гремел Звягин, гоняя ее в магазин за молоком. – Дубленка стоит дороже, чем все твои акции по перевоплощению!

Кончался январь – темный, морозный, радостно-трудный.

– Вот так! – довольно рывкнул стоматолог, навинтив на штифт последний белоснежный фарфоровый зуб, и щелкнул по нему ногтем. Взял со стеклянного столика с инструментом зеркальце и поднес Кларе:

– Устраивает?!

Она не могла насмотреться. Зубы сияли – ровные, белые, плотные, кое-где с крохотными щербинками – неотличимые от настоящих.

– Миллион за улыбку! – взревел стоматолог и выключил свою слепящую фару. – Сияй на здоровье.

«Ах», – сказали девочки в цехе. Клара сияла. «Подождите...»

– Подождите, – скромно пообещал Звягин домочадцам, – я ее еще устрою работать диктором на телевидение.

– Лучше в немое кино, – посоветовала дочь, глядя школьное платье.

– У нее голос, как у нашего коменданта гарнизона, помнишь? – пояснила жена. – Или это телефон так искажает?

– Я уже свел ее с преподавательницей художественного слова из театралки, – парировал Звягин. – Голос отличный, просто она не умеет им владеть. Научится. Зашебечет птичкой!..

Клара «щебетала птичкой» сорок минут перед сном в ванне – больше времени в сутках не оставалось. Гортань, связки, диафрагма, дыхание... «Даже низкий и хриплый женский голос может быть красивым и обаятельным, – повторяла она услышанное, – если правильно пользоваться им: говорить негромко, без резких пауз и ударений, выработать легкое грудное придыхание, снижать иногда к полупшепоту...»

– Зачем вы меня провожаете, Леонид Борисович? – спросила она «с легким грудным придыханием», когда по заснеженному бульвару Профсоюзов они шли к косметической клинике (подошла ее очередь на операцию). – Вы тратите на меня уйму времени...

– Ах, молодость! – мушкетерским тоном отвечал Звягин. – Прогулка с девушкой – что за отрада для старого солдафона, заскорузлого от чужих страданий эскулапа. А главное, – добавлял он, – жена меня к тебе не ревнует. Вот когда станешь выглядеть так, что заревнует, – все, больше времени не найдется.

– Совсем? – скрипнула Клара несчастно.

– Тогда уже у тебя не найдется времени для меня – человека немолодого, женатого, некрасивого и неинтересного.

– Это вы некрасивый и неинтересный?!

Звягин лукавил. Навязав Кларе свою волю (так он считал), – он относился к ней с ревностью собственника, сродни ревности художника к своему творению. И, не полагаясь полностью на непостоянный женский характер, провала своей затеи допустить не мог: подстраховывал каждый шаг. В тайной глубине души будучи убежден в безграничности человеческих возможностей – он был невысокого мнения о воле и характере большинства людей. «А ошибаться, – пожимал он плечами, – я предпочитаю в лучшую сторону».

Хирург, склонив голову на бочок, по-петушину посмотрел на Клару сначала одним глазом, потом другим. Прыгнул вперед и внимательными пальцами стал мять ее лицо.

– Но-ос, нос-нос-нос... Ну и шнобель! – забормотал он.

Схватил рентгеновские снимки, завертел, глядя их на свет. Задумался, замычал, раскинул альбом с фотографиями:

– Будет вот так. Согласны?

Слева красовался профиль с устрашающим тараном поболее Кларинаго, справа – то же лицо с носом... ах, с чудесным, нормальным, заурядным носом – не нос, а мечта... Другие фото впечатляли столь же.

Клара в головокружении представила себя роботом, дождавшимся наконец спасителя-механика с набором дефицитных запчастей.

– Почему вы не обратились раньше? – вился хирург. – Иностранцы прут толпами, – скромно хвастался он, – у них операция обходится в целое состояние. – Посмотрел Кларину карту, анализы; часы на его руке зажужжали. – Приступим? А? Увеличиваем оборачиваемость койко-мест – по мировым стандартам: до минимума сокращать пребывание в стационаре, – пояснил он Звягину.

– Посмотреть разрешишь, Витя? – любопытствуя, попросил Звягин.

– С моим удовольствием. Это тебе не упавших по улицам собирать, – поддел тот.

Удивительно просто и быстро. Нянечка свела Клару в душевую, выдала пижаму. Поме-
рили температуру, давление и – в операционную, где хирург, уже в маске, кивнул анестезио-
логу, а рядом, тоже в маске и зеленом халате, шурил зеленые глаза Звягин.

Сестра протерла ей, лежащей на столе, сгиб локтя и подала анестезиологу шприц.

– Рот открой шире... сейчас мы тебе эту трубочку осторожно введем... во-от, все, дыши
на здоровье...

Электрические лучи в белом кафеле расплылись, затуманились, и она поплыла в восхи-
тительную страну, неотчетливую и прекрасную, а прекраснее всех была она, Клара, и это и
было тем счастьем, которое снилось в детстве.

...Появились какие-то ощущения, ощущения эти определялись и стали неприятными:
слегка мутило, и лицо стянуло, будто заскорузла мыльная корка. Кто-то склонился над ней и
похлопал ласково по руке.

– Не разговаривай, – сказал Звягин. – Это повязка. Все отлично, молодец.

Оставил ей в тумбочке томик Цвейга (выбирала, естественно, жена) и кульки с апельси-
нами и халвой.

Завтрашним дежурством махнулся с Джахадзе и встретил Клару внизу:

– Чтоб не так стеснялась идти по улице в своей повязке, – проворчал. – А то подумают,
что нос тебе в драке разбили...

Неделю она, в повязке, вылезала из комнаты только в магазин, сокрушаясь, что пропус-
кает упражнения для ног и груди – чтоб не напрячь случайно лицевые мышцы и не повредить
свежие швы. Нетерпение томило ее.

– Не пугайтесь, – предупредил хирург, освобождая ее от проклятого целебного наморд-
ника. – Прошу.

Клара осторожно и со страхом, чуть разжав веки, в щелочку между ресниц поглядела в
зеркало. Глаза распахнулись, рот раскрылся горестно:

– Охх!..

Бесформенная сизая свекла топорщилась на отеком лице.

– Дивно! – возрадовался хирург, бережно трогая свеклу.

– Ы-ы-ы... – безнадежно провыла Клара.

– Не смей реветь, сопли потекут! – закричал хирург. – Его надо беречь, он еще нежный!
Не «ы-ы», а пять баллов, – ярился он. – Через пару дней отек спадет, тогда увидишь, что не
«ы-ы», а «о-о»! Вот тебе для компрессов...

Эти дни она провела перед зеркалом. Зеркало исправно являло волшебство. На пятые
сутки отек спал совершенно. Швы в крыльях носа не замечались.

Это было другое лицо; она поймала себя на самозабвенной и бесстыжей любви к этому
лицу. Пользуясь ходульным выражением – ее распирало от счастья. Упругий ветер перемен
достиг весны.

– С Восьмым марта! – поздравил Звягин, являсь с мимозами. Потянул носом запах озона
(после кварца), подергал крепления мешков на штанге, полез с ревизией в холодильник.

– Плюс три триста! – отрапортовала Клара, после приседаний глубоко дыша по системе
йогов. – Спасибо, Леонид Борисович.

– Не сутулься! – гаркнул он. – Носки врозь! Что – скоро сказка сказывается, да нескоро
дело делается?

Дело, однако, делалось. Еще как делалось.

Звягинские три листочка распухли за зиму в «дело Клары» – папку с адресами, телефо-
нами, рецептами и расписаниями. Он привез гримера с «Ленфильма» к знакомому офтальмо-
логу, и втроем они два часа подбирали Кларе оправу для очков – такую, чтоб глаза казались
больше, чтоб выглядела украшением. Подобрали, но это был единственный образец, и Звягин

перерыл пол-Ленинграда, пока достал требуемое. Клара нацепила очки, засмеялась и отныне снимала их только перед сном (десять часов!).

(«Как девочка?» – самолюбиво спросил Звягин. – «Ничего», – с мужским глубокомыслием решил офтальмолог. Звягин хмыкнул: «Одеваться не умеет».)

Мужчине редко удастся понять, как захватывающе увлекательна проблема женской одежды. Заваленная журналами мод и книгами по истории костюма, квартира Звягина превратилась в избу-читальню: жена и дочь обменивались восклицаниями – и вздыхали...

– Конечно, если одеть ее в туалеты от Диора... – язвила дочь...

Если и было на свете что-то невозможное – так это смутить Звягина.

– Диор нам не по карману, – без сожаления объявил он Кларе очевидное. – И ладно. Простое правило: носить надо не самые красивые и модные вещи, а те, в которых ты сама выглядишь красивой и привлекательной. Лучше прекрасная золушка, чем уродливая миллионерша, не согласна?

Клара возразила в том духе, что лучше прекрасная миллионерша. Задетый Звягин (теоретически подковавшись до уровня едва не законодателя мод) в ответ перекроил ее спрессованное расписание и загнал строптивницу на курсы кройки и шитья: «Вот и шей себе что хочешь».

– Без фирменных тряпок сейчас никуда не денешься, – упорствовала Клара.

– Лучшая одежда для таких, как ты – смирительная рубашка! – негодовал Звягин. – Нет ничего нелепее самоходной вешалки из ателье мод! Никогда царица Савская не надела бы брюки «диско» или короткую юбку: у нее были кривые ноги – а худо-бедно она слыла красивейшей в мире. Для тебя изобретены свободные сверху брюки, шея длинная – ворот раскрыть, талию перетянуть широким поясом...

– Их никто не носит!

– А ты будешь! Или тебе это все надоело? – зловеще спросил он.

Клара ослепительно улыбнулась и поставила ноги в первую позицию.

– Не надоело, Леонид Борисович, – вкрадчиво прошелестела она. – Я буду паинькой. Я буду ходить в казацких шароварах и перетягиваться офицерским ремнем. Вы меня не бросите?

– Bravo, первая валторна! – изумился Звягин. – Теперь ты понимаешь, что форма определяет содержание?

Она вынула из духовки горячий пирог, принесла специально купленный высокий стакан с ледяным молоком. Выпятила грудь, присела «пистолетиком» на одной ноге; брякнула:

– Хочу сменить работу... Не очень-то приятно, знаете, когда в тебя за спиной тычут пальцем и пристают с расспросами...

– Отрезать прошлое, – согласился Звягин. – Потерпи до лета. А швейную машинку – в кредит – чтоб купила с полочки!

– Денег не хватит...

– Одолжу.

Весь вечер дома он просидел перед телевизором, мрачен и задумчив. Жена ни о чем не спрашивала и пропускала ошибки в проверяемых тетрадах.

– Доигрался? – не выдержала она за ужином. – Заморочил девочке голову?

– Весна, – заступилась дочка. – Я бы на ее месте тоже в тебя влюбилась, – нахально заявила она.

Звягин хлюпнул молоком, беспечно свистнул и подвел итог:

– Пожалуй, хватит. Собственно, немного и осталось.

Ночью он сидел на кухне и красным фломастером аккуратно зачерчивал пункты своего плана, составленного полгода назад. Оставалось немного.

– Нормально, – сказал тренер.

– Совсем иное дело, – сказала балерина.

– Хорошо, пусть осенью приходит, – сказал начальник отдела кадров радиозавода.

– Готовить умеет? – спросил археолог. – А лопатой работать может? Только платим мы в экспедиции немного, учтите. И пусть принесет с работы справку об отпуске.

Первого мая Звягин велел Кларе начать отращивать волосы: «Хватит». А на Черное море она поедет бесплатно – в археологическую экспедицию: вода, солнце, физические нагрузки и общество. Нет, никаких хлопот – достаточно было зайти в Институт археологии.

Клара посмотрела в сторону и сунула ему в руки сверток.

– Это еще что? – удивился Звягин, разворачивая свитер.

– С праздником, – сказала Клара.

– Зачем?

Она стояла на фоне окна, сияющего майской голубизной, – стройная, мило очкастенькая, печальная.

– Не бойтесь, это недорого, я сама связала... Давайте погуляем... Погода хорошая, праздник... Я вас долго не задержу.

Второго мая, на дежурстве, между вызовами, Звягин играл в шахматы на двух досках – с Гришей и Джахадзе. Гриша продул быстро и пошел на кухню жарить бифштексы и накрывать стол.

– С хорошей девушкой ты вчера гулял по Петроградской, – по-свойски одобрил Джахадзе, зевая белого слона.

– У каждого свое хобби, – улыбнулся Звягин. – Шах.

Явился Гриша, делая метрдотельский приглашающий жест, но вместо формулы: «Пожалуйте к столу» врубился селектор:

– Десять тридцать два, на выезд. Черная речка, падение с высоты.

– Мат, – объявил Звягин, вставая. – Если до возвращения кто съест мое мясо, пусть пеняет на себя – растерзаю.

Спустился по лестнице и пошел к машине – прямой, беспечный, легко обогнав Гришу своей внешне медлительной походкой.

...В августе, вернувшись с семьей из отпуска, Звягин достал из почтового ящика два письма от Клары.

«...Здесь так чудесно, море, солнце, рядом виноградники, ем виноград корзинами и толстею... волосы растут так быстро... народ замечательный, столько интересного... сделала штангу из ручки лопаты и мешков с песком... неужели это все правда...»

Помните, вы говорили, что у меня “царапучье имя”? Ну, так уж если быть другим человеком, пусть я буду не Кларой, а Клавой, – подумаешь, всего одна буква. Приеду обратно – сменю паспорт, и дело с концом. Это, конечно, смешно, но у меня такое чувство, будто прежнее имя не имеет отношения ко мне нынешней...

И вообще за мной тут один ухаживает, но пока не знаю...»

«...Не бойтесь, я не собираюсь ни о чем таком личном вам писать, но мысленно я часто с вами разговариваю. Я перебираю прошедший год день за днем, вспоминаю вновь и вновь, переживаю, радуюсь и немножко грущу от того, что это все уже позади, навсегда, и никогда больше не повторится. Мне нечем с вами сквитаться, нечем отблагодарить, что я вам?.. Мысленно я говорю вам то, чего никогда не посмею сказать наяву, – и вы отвечаете мне то, чего никогда не ответите... И я спрашиваю вас: “Леонид Борисович, на что я вам сдалась? Почему вы подошли ко мне тогда, зачем возились со мной?” И вы отвечаете – я знаю, что так:

“Каждый порой мечтает о том, чтобы кто-то, сильный, умный и добрый, пришел на помощь в тяжелый час. Чтобы он понял твою душу, утешил горести, сказал, что все исправимо, – и исправил. Чтобы он был надежный и всемогущий, и с ним стало исполнимо и просто все, о чем мечтаешь. Чтобы он заряжал безграничной энергией, непоколебимой верой, которых так не хватает человеку в борьбе с судьбой. Потому что все в жизни возможно, просто не хватает сил, или храбрости, или денег, или знания, или желания, или здоровья, и самому иногда не справиться.

Каждый мечтает порой о таком чуде. О везении. О помощи. О понимании. О всеильном и любящем друге-покровителе, который рассеет беду, отведет несчастье, с легкостью совершит невозможное. Выручит, спасет, не даст пропасть: улыбнется, ободрит, объяснит и все сделает. И все будет хорошо...

Это нужно человеку.

Поэтому я здесь.”

Скажете, что я глупая девчонка, романтические бредни, да?..»

Звягин встал с дивана, растворил окно, засвистел было «Турецкий марш» и улыбнулся.

Вечерние тени закрыли набережную. Оглашая Фонтанку музыкой, прошел плоский прогулочный теплоход. Темная вода пахла осенью, моросью, дымом: отпуск кончился.

За спиной Звягина дочка прочитала лежавшие на столе письма, подошла и потерлась носом об его плечо.

– Просто я работаю волшеб-ни-ком, – полупшепотом пропела она. – Папка, сделай меня кинозвездой, раз ты все можешь, а?

– Долго вас ждать с ужином? – закричала жена из кухни.

Моя в ванной руки, Звягин иронизировал:

– Что за наказание! Невозможно делать то, что тебе интересно: мигом объявят благодетелем и начнут благодарить. За что?.. Если мне просто нравятся красивые женщины и не нравятся некрасивые. Нечего превращать меня в сказочную фею! А то начитаются сказок, идеалисты, и не видят нормальной жизни вокруг.

Глава IV

Игра в императора

«Мой папа самый сильный и храбрый. Его все любят и уважают. Он все может. Он всегда всем помогает. Он самый красивый и веселый. Он спасает людей. Он все знает. Его все знают и ценят. Он добрый и справедливый».

– Если ты не притрагивался к вещи два года – можешь смело выкидывать на помойку: она тебе не нужна, – сказал Звягин, спрыгивая со стремянки. Генеральная уборка достигла той кульминационной стадии, когда ничего еще не убрано, но все уже перевернуто и вывалено со своих мест.

Жена решительно отобрала у него пачку пожелтевших тетрадей:

– Не смей! Это Юркино сочинение в первом классе.

– Вольно же детям так идеализировать родителей, чтобы потом разочароваться в созданном идеале и вовсе их не уважать.

– Ну, тебе-то на неуважение жаловаться не приходится, – заметил сын, выволакивая из пыльных глубин антресолей два брезентовых мешка с разборной байдаркой.

– А за что нынешнему студенту уважать простого врача? – самоуничижительно хмыкнул Звягин. – Открытий не совершил, миллионов не нажил, карьеры не сделал. С точки зрения юных прагматиков из столичного университета я должен казаться неудачником. Нет?

Жена отставила швабру. Ее больное место было задето.

– С твоей головой и энергией давно б мог стать профессором, – сказала она. – Чего тебе не хватает – так это усидчивости!

– Узнаю речи школьного учителя, – улыбнулся Звягин.

– Папе и сейчас не поздно достичь чего угодно, – убежденно заступилась дочка, протирая газетой визжащее оконное стекло.

Большие уборки чреваты неожиданными находками. Неожиданная находка иногда попадает в настоящую минуту, как игла в отверстие пуговицы. Листок выпорхнул из веера ветхих страниц в руках жены и спланировал в таз с мыльной водой.

– А это что?

- «1. Целеустремленность. Отметать все, не способствующее успеху.*
- 2. Крепить в себе самообладание, терпение, волю, веру в успех.*
- 3. Постоянный анализ поступков: разбор ошибок, учет удач.*
- 4. Готовность на любые средства и поступки во имя цели.*
- 5. Приучиться видеть в людях шахматные фигуры в твоей игре.*
- 6. Гольй прагматизм, избавление от совести и морали.*
- 7. Овладение актерством: убедительно изображать нужные чувства.*
- 8. Готовность и стойкое спокойствие ко взлетам и неудачам.*
- 9. Готовность и желание постоянной борьбы в движении к успеху.*
- 10. Постоянная готовность использовать любой шанс, поиск шанса.*
- 11. Беречь здоровье – залог сил, выносливости, самой жизни.»*

Звягин расправил размокшую бумагу:

– А-а... Надо же, сохранилось. Это игра, придуманная когда-то для одного несчастного мальчика...

– Ничего себе советики! – Сын шумно спрыгнул на пол.

– Во что вы играли? – полюбопытствовала дочь.

– В императора. Кстати, о карьере, да?

Жена тихо улыбнулась, как улыбаются чему-то давно прошедшему. Младшее поколение было заинтриговано. Назревала та идиллическая ситуация, когда после воскресного обеда отец семейства усаживается в кресло и повествует детям о делах давно прошедших дней, преданьях старины глубокой.

Но Звягин, вопреки обыкновению, явно не горел желанием выступить в роли сказителя собственных подвигов. И лишь к вечеру, когда дом сиял чистотой и порядком, а расспросы превзошли меру его терпения, он сдался. Махнул рукой, плюхнулся на диван и задрал ноги на журнальный столик.

– Ни одно доброе дело не остается безнаказанным, – начал он. Подумал, решил, что такое начало непедагогично, и приступил иначе:

– Не такой уж я хороший, как вы все думаете.

Жена засмеялась.

– Мы не думаем, – успокоила дочка.

Начало рассказа – вообще трудная вещь. Особенно для непрофессионального рассказчика. Тут имеются старинные, испытанные временем приемы. Звягин прибег к испытанному приему:

– Много лет назад, в один прекрасный весенний день... Тьфу, – сказал он. – Ира, ты помнишь тот день?

– Помню, – вздохнула жена. – Дождь шел...

– При чем тут дождь! – рассердился Звягин. – Короче, жила-была на свете девушка Ира... В общем, я тебе сразу понравился.

– Ой ли?

– Конечно. Я учился на третьем курсе, ты тоже, и жизнь была прекрасна, мне прямо весь мир хотелось облагодетельствовать, чтоб все были счастливы так же, как я.

М-да. Ира тогда проходила педагогическую практику. И в ее восьмом классе жил-был отменно тупой и равнодушный к наукам вообще, и к английскому языку в частности, ученик. Она, по молодости лет, очень переживала. За себя – что не способна его расшевелить. За него – кем он станет? Грузчиком в винном магазине?

А в девятнадцать лет, надо заметить, человек чувствует себя таким всемогущим, как уже никогда потом. И в ответ на Ирины жалобы и переживания я отрубил, что человек все может, и раз ученик туп, то учителя и виноваты: не сумели развить его ум!

Она обиделась: «Легко говорить, попробовал бы сам».

Чтобы я в ее глазах да чего-то не мог?! Два дня она меня поддевала, а на третий я пустился в первую в своей жизни авантюру.

После уроков подводит она ко мне этого бедолагу. Его Геной звали, и с детства прилепили кличку Комоген. Почему Комоген – так я и не дознался.

Вид Комогена подействовал на меня, надо признаться. Уж такой он никакой, такой серенький, речь развита слабо, а главное – неуверенностью и слабостью от него разило за версту. Человеку четырнадцать лет – а на челе у него, так сказать печать полного провала всех будущих жизненных начинаний.

Я в деканате достал институтский бланк и напечатал на нем: ученика такого-то подвергнуть медицинскому обследованию на предмет отправки в специнтернат для дефективных. Прочитал мой Комоген, побледнел. Посадил я его в ожидавшее такси и повез в институтскую клинику. С ребятами там договорился заранее.

В пустой ординаторской надел халат, посадил Комогена напротив себя за стол, положил чистую медкарту: стал расспрашивать. И выяснилось, что парнишка в своих бедах не виноват.

Отца он не знал, мать заботливостью не отличалась, и был он предоставлен сам себе. Здоровьем не выделялся, во дворе лупили, игрушки у других были лучше, и засело в нем с самых ранних лет, что он – существо последнего разбора. Учиться ему было трудно, а ведь

репутация ученика складывается в первые же недели, и все последующие годы он невольно считает себя таким, каким его привыкли считать другие. Одни в классе были сильными, другие умными и хорошо учились, третьи красивыми и нравились девчонкам, четвертые хорошо одевались и имели свои магнитофоны, – а у него ничего не было. Ни родительских дач и машин, ни поездок к морю, ни выступлений на спартакиадах. Его даже в дворовую компанию не принимали: неинтересен, вял.

Так что ему этот английский? Он уже смирился, что пристанет к какой-нибудь неинтересной работенке, и ничего для себя хорошего в будущем он не видел. Напрасно думают, что ранняя юность – период безудержного оптимизма и безоблачного счастья. В четырнадцать лет люди очень остро и драматично воспринимают жизнь, и свое будущее переживают острее, чем когда позднее оно сбывается на деле.

«Да, – говорю, – условия для развития у тебя плохие. Теперь проверим природные данные». И конвоирую его в электрокардиографический кабинет, где дежурил знакомый техник, наш пятикурсник. Уложил он раздетого Комогена на кушетку, облепил электродами, поползла ленточка из кардиографа. Посмотрел он ленту на свет, померил закорючки линейкой: «Энергетический уровень организма, – вещает важно, – девяносто три и семь десятых процента. Ниже идеального, но в пределах нормы». И сажает Комогену присоски второго кардиографа на виски, лоб, затылок. Уж не знаю, какую ахинею выдал самописец на ленту, но была она преподнесена как новейшее достижение медицины, интеллект-энцефалограмма. Техник мой с многоученным видом ленточку «расшифровал» и объявил изумленно: «Не может быть! Сто тридцать семь. Сейчас я аппаратуру проверю...» Проверил. Я тоже удивляюсь. Он мне «объясняет», какой пик что показывает, и на Комогена косится: «Кого вы мне привели? Парню место в школе для одаренных подростков».

Комоген слегка ожил. Чует, что специнтернат отодвигается.

У сестринского поста ждала моя однокурсница с набором детских картинок. Она изображала психолога. Комогена якобы проверили на тесты и сообщили, что к точным наукам способности средние, зато к гуманитарным – отличные.

«Милый мой, – злюсь я, – что ж ты всем головы морочишь? Катись отсюда и учись со всеми вместе».

Сияет Комоген и счастливые слезы с глаз смаргивает. Приказал я ему зайти еще раз, завтра в три, для заключительной беседы.

Веру в себя человеку так быстро не внушишь. И цели нет у мальчишки. Надо его подтолкнуть, разогнать, как автомобиль с испорченным стартером, чтоб мотор уже на ходу заработал.

А как дальше лечить его от душевной придавленности? В чем убеждать? К чему ему стремиться, чего хотеть?

Хорошо учиться? Делать зарядку по утрам и помогать старшим? Готовиться в институт? К этим речам он давно глух – абстрактны. Заработать денег, купить джинсы, магнитофон и кожанку? А дальше?

Как убедить парня, что перед ним – чистое будущее, и он все может, только захотеть! Как сделать, чтоб захотел? Что он вообще может захотеть – но сильно, чтоб хотение это было – как дерево на берегу, за которое заводится трос, и засевшая в болоте машина сама себя вытаскивает собственной лебедкой?

Рассказал я ему, как сирота и беспризорник Коля Дубинин стал академиком. Впечатления не произвело: об академике у Комогена представление было самое туманное, лежавшее вне сферы его понимания и интереса.

Что за человек... Безусловно обиженный, обойденный радостями жизни в самом чувствительном возрасте. Все им пренебрегали, помыкали, в грош не ставили. На самолюбие ставку сделать, на обиженность? Не может быть, чтобы хоть подсознательно не хотелось ему расквитаться с жизнью за все унижения и лишения, которые пришлось вытерпеть.

А Ира, надо заметить, еще тогда пыталась приохотить меня к чтению. Очень ее задевало, что всем я неплох, а вот по части литературы и искусства – дуб дубом. Перед подругами стеснялась: они рассуждали о Хемингуэе и Пикассо, а я нетвердо знал «Муму» и картину Саврасова «Грачи прилетели». И начал я эксплуатировать Ирину эрудицию, чем более или менее успешно и занимаюсь уже четверть века. Что можно подсунуть Комогену в качестве незатасканного примера воли, энергии, успеха?

Так я впервые прочел «Наполеона» Тарле. И пересказал Комогену в упрощенном виде. Мой Наполеон выглядел похожим на Комогена, как две капли воды. А масштабы его власти заставили бы удивиться самого великого императора. Наверное, зерно упало в почву, потому что в сонливой флегматичности Комогена промелькнула какая-то мечтательная задумчивость.

Железо надо ковать из любого положения, но лучше все-таки пока горячо. Я наплел Комогену, что пишу диссертацию по определению ценностной ориентации в подростках пубертатного возраста и он интересен как экземпляр. Ставлю на нем опыт. Причем он имеет право в любой момент опыт прервать и больше не являться. А если опыт удастся? Тогда не исключено, что ты станешь другим человеком, но это твое личное дело, меня не касается.

И затеяли мы с ним эдакий семинар, эдакую сумасшедшую историко-психологическую игру в вопросы и ответы: а мог бы в принципе он, Комоген, стать императором, если бы родился Наполеоном Бонапартом?

Он вздыхает: «Способностей не хватает». – «Позволь, насчет способностей мы уже выяснили». Я разобрал карьеру Наполеона, как шахматную партию, и набросал одиннадцать пунктов на том самом листочке, который вывалился сегодня в таз с водой.

Комоген старательно переписал. Запись, как вы видите, не лишена аморальности. Но иначе, полагал я, такого тупицу не пронять: перечню сплошных добродетелей он бы не поверил; да таково и соответствие исторической истине.

Будущее показало, что я оказался прав, а лучше б было наоборот. В молодости не задумываешься о далеких последствиях...

За последующие пару недель я внушил ему, что ум умом, а учение – учением, и если человек получает двойки, это отнюдь не гарантия, что он глуп или не преуспеет в жизни. Ира снабжала меня примерами. Заодно с Комогеном я узнал, что математик Гаусс в школе слыл тупицей, юный Лев Толстой имел репутацию шалопаю и бездельника, а Генри Форд был почти неграмотен.

Затурканные создания склонны в глубине души к абстрактному мечтанию: в грезах они всемогущи. Задача в том, чтобы мечта поманила явью и толкнула на реальные поступки. Пацан потянулся ко мне со страшной силой. Оно и понятно. Ни отца, ни брата, ни старшего друга у него никогда не было, а я с ним по улице гуляю, о жизни говорю, не лезу с нравоучениями, а главное – **понимаю**.

Первые перемены в нем заметила Ира.

– Он отчаянно стремится тебе подражать, – повеселилась она. – Щурится, челюсть выпячивает, обратил внимание? Брюки отутюжил, туфли надраил... И взгляд – не то опереточный герцог, не то верблюд, точно как ты.

Комоген встречал меня после лекций у институтских дверей и провожал до общежития: сорок минут в день. Идея императорства засела в его неокрепших мозгах, как гвоздь. Наши игры продолжались: мы сделали д'Артаньяна королем, причем д'Артаньян приобрел явственные черты Ришелье – расчетливость, коварство и неуемную жажду власти. Мы сделали Спартака властелином Рима, хотя этот властелин уступал в благородстве легендарному гладиатору. Разожженное воображение Комогена пока не опускалось до мелочей обыденной жизни. Ну, чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не впадало в спячку. Я мобилизовал Иркины возможности и достал на несколько дней «Государя» Макиавелли.

Учиться Комоген, однако, лучше не начал. Более того: раньше на уроках спал, а теперь думает о своем и просто не слышит, когда его вызывают. Слабый и зависимый человек делается скрытен и коварен: Комоген проникался мыслью о возможности своего всемогущества.

Ирина практика закончилась, но Комоген не поставил это в зависимость от наших отношений. Он жаждал встреч и как губка впитывал мои рассуждения об укреплении воли, развитии речи, умении убеждать людей. И наконец с детской непосредственностью спросил о структуре власти у нас: как стать **главным**? Причем конкретно: самым главным в нашем городе?

Лучше карьерист, чем кусок серого теста. Пусть Комоген мобилизует отпущенные природой силенки и достигнет чего-то в жизни: и себе, и людям сумеет что-то дать. Я поразглагольствовал о личных качествах, биографии, связях, обстоятельствах, образовании. И чтоб заметил, как в моей овце прорезаются черты волчонка – скрытного, недоверчивого, хитрого, – ничего я не заметил. Руководствуясь благими целями, недооценил, так сказать, эффект собственной антипедагогической деятельности.

Сессия положила конец нашим беседам, времени не было: я объявил опыт законченным и обнадежил Комогена успехом. Мы сдали экзамены, отнесли с Ирой заявление в загс и начали забывать эту историю, когда накануне отъезда в стройотряд Комоген меня нашел.

– Перевожусь, – говорит, – в вечернюю школу.

– Одобряю. Начнешь работать, станешь самостоятельным, уверенным в себе. Деньги появятся. И учиться в вечерней школе полегче, отметки тебе подтянут.

– На отметки наплевать... Деньги и самостоятельность – хорошо, конечно. Но главное – начну рабочую биографию. Попробую выдвинуться.

Во как заговорил – «Попробую выдвинуться».

Я торопился: сдавать учебники в библиотеку, получать форму, отмечать обходной листок. Он понял, помедлил, вздохнул.

– Спасибо, Леонид Борисович. Вы сами не знаете, что для меня сделали...

Пожали мы по-мужски руки – и расстались на много лет.

...Звягин цокнул языком и пружинисто встал.

– А дальше?

– А дальше Комоген пошел на завод учеником токаря. Правильно выбрал: токарь – звучит для непосвященных как-то весомее, чем слесарь или фрезеровщик. Он предпочел бы и учиться дольше, и зарабатывать меньше, но быть – именно токарем. Он имел дальний прицел.

Полгода он приглядывался, соображал. Посещал вечернюю школу – не учился, а именно посещал столько, сколько требуется, чтобы получить в конце концов аттестат.

Зимой пришел в комитет комсомола и сказал, что хочет подать заявление. Там удивились, почему он еще не комсомолец, и приняли без проволочек: старателен, дисциплинирован, учится, молодой рабочий-металлист.

Теперь он сидел на комсомольских собраниях. На первом же выступил, заикаясь от волнения: надо чище убирать свои рабочие места. Замечание безобидное, но Комоген начал набирать очки как сознательный комсомолец.

Ребята начинали курить – он не курил. Курение снижает работоспособность и стоит денег, которые можно использовать умнее. Он не пил – ему нужны ясные мозги и, опять же, деньги. Великие люди не пьют.

Деньги он тратил на одежду и прогулки с девушками. Модные вещи придавали уверенности в себе. С девушками он учил себя раскованному поведению. Преодолевая неуклюжесть и застенчивость, научился танцевать: надо быть ловким и никогда не смущаться. Отслуживший в армии сосед, жалеючи, научил его драться.

Он немножко читал – исключительно серию «Жизнь замечательных людей», – и мысленно перекраивал судьбы, примеряя их на себя. Его Бальзак не пил кофе, берег каждый франк, спал по восемь часов и подкупал критиков, чтоб они поливали грязью конкурентов.

Его Колумб построил в Америке оружейные заводы, на захваченные сокровища нанял армию и стал императором Америки. К прочим развлечениям Комоген был равнодушен.

Когда буйная энергия юности концентрируется в одной точке – пробивная сила развивается страшная. Так взрыв фаустпатрона, собранный в тонкую струю, прожигает танковую броню. Фанатики, достигающие порой вершин, получают именно из ребят, чем-то природой обделенных: робких, слабых, некрасивых, бедных, – все их стремление к самоутверждению принимает единое направление, в котором они могут превзойти других, компенсируя свою ущербность.

В семнадцать лет Комоген окончил вечернюю школу – в основном на четверки. Четверки натягивали в поощрение за аккуратную посещаемость. В науках он по-прежнему не блистал. Он твердо знал, что школьные премудрости ему не понадобятся.

Он натаскивал себя для пути наверх, как альпинист перед восхождением. И, как альпинист перед восхождением, обдумывал вернейший маршрут.

Он спрашивал комсомольские поручения, радуя сердца бюро. Его выбрали комсоргом бригады – появилась вожденная запись в учетной карточке. В цехе он был на хорошем счету: исполнительный, дисциплинированный. И когда он уволился, весьма удивились: зачем, почему?.. Пробовали отговаривать; он отмалчивался непреклонно.

Он поступил на курсы водителей. Полгода жил на стипендию, урезав свои расходы. И проявил себя в новом амплу: активист добровольной народной дружины. Согласен был дежурить хоть ежедневно. Стал в милиции почти своим человеком: перезнакомился с ребятами, интересовался спецификой работы. Его усердие отметили грамотой к Дню милиции.

Новоиспеченные шофера хлопотали об устройстве: одни стремились на междугородные перевозки, другие в таксопарк, третьи на большегрузные самосвалы. Комоген же по объявлению нашел контору, где требовался шофер легковой машины. И получил старенький москвичок и восемьдесят рублей зарплаты. Он неотклонимо смотрел в будущее.

Мать огорчилась, но мать уже относилась к нему со смутным почтением: положительный, самостоятельный, на зависть соседкам. Сын в ответ только кривил губы и усмехался загадочно:

– Ничего, мамаша, еще буду ездить по главной улице в черном лимузине.

Мать умилялась. Матери – они всегда в таких случаях умиляются...

Перед призывом в армию Комоген предпринял некоторые шаги. Явился в райком комсомола со своей грамотой и попросил рекомендовать его для службы в милиции: чувствует призвание. С ним побеседовали и рекомендацию дали. С этой рекомендацией он двинул на прием к начальнику отделения милиции и, сказав продуманные слова о призвании, попросил позвонить или написать записку райвоенкому. Подполковник улыбнулся, потряс ему руку и пообещал добровольному помощнику посодействовать. Подготовив почву, Комоген отправился к райвоенкому.

– Так где хотели бы служить?

– Если можно – только в войсках МВД. Буду готовиться в училище.

– Думаю, сможем ваше пожелание учесть.

И на милицейском «уазике» появился новый водитель – не водитель, а пример для молодых. Машина вылизана, форма пригнана, ни единого замечания. Выступает на комсомольских собраниях и первым берет повышенные социалистические обязательства. На политзанятиях демонстрирует замполиту знание международной обстановки. Через полгода – ефрейтор, отличник подготовки, член комсомольского бюро роты.

Все свободное время Комоген вертелся в гараже, как-то оказываясь поблизости от машины командира дивизиона. Как водится, сначала разговорился с шофером, потом помог раз, другой; потом подружились. Сближению помогла не только услужливость, но и готовность угостить: за время работы Комоген отложил семьсот рублей и перевел их не на имя матери –

на библиотекаршу, чтоб целее были; теперь та посылала ему тридцатку в месяц – кое-какие деньги для солдата.

Часто выдавался случай козырнуть комдиву, глядя в глаза, и отпустить компетентное замечание с присовокуплением того, что он еще на гражданке водил легковую и техникой владеет исчерпывающе. Вполне естественно, что когда командирскому шоферу подошел срок увольняться в запас, был задан вопрос:

– Как относишься к тому, чтоб пойти шофером ко мне?

Несколько секунд Комоген изображал размышление над этой неожиданностью.

– Есть. – И после паузы, сердечно: – Не подведу.

Не подвел. Машина работала, как часы, и сам как часы точен. Немногословен и беспресловен. **Правильный.** И спустя приличествующее время советуется с командиром насчет своего будущего. А отношения между начальником и шофером, любому понятно, не те, что просто между офицером и солдатом, – неформальные отношения, короткие. И любому нормальному человеку приятно, когда двадцатилетний подчиненный спрашивает совета в делах неслужебных. Командир по-доброму принял участие в судьбе Комогена.

Он укрепил Комогена в решении подать заявление в партию и первый его рекомендовал; кандидатуру сочли абсолютно подходящей по всем статьям. Он обещал помочь с поступлением в школу милиции; Комоген прочувственно благодарил, но признался с неловкостью и неуверенностью, что мечтает о высшем образовании, а годы дороги... Ему предлагали устроиться в ГАИ – хорошая работа, богатые возможности. Он вздыхал, мялся. К концу службы Комоген проштудировал правила для поступающих в вузы досконально. По демобилизации он имел на руках направление МВД на рабфак юридического факультета Московского университета.

Для многих служба в армии – особенный, отдельный этап жизни. Для Комогена это была очередная, прочная ступень в лестнице вверх. Он выжал из службы все возможное. Если бы командиру дивизиона сказали, что Комоген, выйдя за ворота части, напрочь выбросил его из памяти, он бы не обиделся – не поверил бы.

Год Комоген, напрягая все способности и живя на одну стипендию, отучился на рабфаке. Теперь, обладая полным набором козырей, он не мог не поступить: бывший токарь, комсомольский активист, член партии, младший сержант МВД, специально направлен. На экзамены он надел форму. В науках не блистал, грамотность выказал умеренную, но внушал бесспорное доверие.

В двадцать два года он стал студентом юрфака МГУ – не собираясь работать юристом ни единого дня. Он имел иные виды на диплом, четко различая средства от цели.

Вчерашние школьники праздновали студенческую вольницу. Сравнительно взрослый Комоген с опаской готовился крошить зубы о гранит науки. Однако тянуть на прочные тройки ему оказалось вполне по силам – достаточно не пропускать занятий и вести аккуратные конспекты. Однокашники с известным пренебрежением сочувствовали его туповатой старательности. Экзаменаторы снисходили к оправданиям: из дома не помогают, приходится подрабатывать ночным сторожем. В партбюро были люди энергичные и с мозгами, и банальные речи Комогена успеха не имели.

Он и не рассчитывал выделиться на этом фоне. Тренированный семью годами борьбы, он продолжал идти вверх, и если нельзя было катиться прямо, то поднимался, как лыжник «елочкой»: шаг влево, шаг вправо, но каждый раз чуть выше, чем был. Карьерист должен владеть маневром.

И в сентябре, после стройотряда, Комоген совершил очередной демарш. Он полетел в областной город с университетом, самым скромным из всех, имевших юридический факультет. Там он выглядел эффектно: форма с нашивками МГУ, офицерский ремень, рядом со строительным значком – колодка медали «За освоение целины», купленная в гарнизонном универмаге. Снял номер в гостинице и, умудренный жизнью, приступил к сбору информации.

Есть категория людей, знающих всю подноготную заметных личностей своего города. Обычно это одинокие пожилые женщины из числа журналистов, врачей, администраторов гостиниц; любят щегольнуть осведомленностью шоферы служебных «Волг», и уж решительно не существует тайн для секретарш. Комоген фланировал по коридорам и затевал знакомства, начиная разговор с поисков несуществующего друга, якобы раньше работавшего здесь. Затем интересовался возможностью пройти здесь практику, или устроиться на работу, или написать заметку в газету. Вид его возбуждал некоторое любопытство и симпатию, контакт иногда завязывался, он дарил цветы и конфеты и рассказывал московские сплетни, наводя разговор на нужную тему.

Расчет был прост: в городе есть два-три десятка людей, обладающих немалой властью. Все они сравнительно немолоды, имеют, как правило, взрослых детей. Половина из этих детей, по теории вероятности, дочери. Часть дочерей должна быть не замужем.

Кто ищет – тот найдет, уж это точно. В городе обнаружились четыре непристроенных дочери, в возрасте от восемнадцати до тридцати пяти, положение чьих родителей удовлетворяло притязаниям Комогена. Одна была красива, вторая умна, третья училась в Ленинграде, четвертую Комоген выцелил, как утку в лет.

Он занял пост в подъезде напротив и через день познакомился с ней на улице элементарным вопросом «как пройти». Цветок на углу, мороженое на другом, заготовленная шутка, отрепетированная байка, – Комоген был приятен, культурен, **престижен**. Принадлежность к МГУ служила ему знаком качества, рассказ о Наполеоне – свидетельством интеллигентности. Роман раскручивался стремительно – время поджimalo.

Ухаживание началось с посещения картинной галереи, никак иначе, и закончилось, после ресторана с танцами, посещением гостиничного номера, куда в нужный момент подали, по предварительной договоренности с горничной, поднос с шампанским и фруктами, – верх красивой жизни, по разумению Комогена. Он сорил деньгами, но как ни быстро они кончались, запасы интеллигентности иссякали еще быстрее.

Девушка пригласила его зайти; он преподнес будущей теще трехрублевую розу и поцеловал ручку. Комоген придумал себе отца, дал ему приличную профессию экономического советника и немедленно загнал в двухгодичную командировку в дебри Центральной Африки. Верная мать последовала за отцом. В трехкомнатной квартире на Кутузовском проспекте, заваленной лучшими импортными вещами, жил один-одинешенек нравственно чистый Комоген, будущий начальник юридического отдела МИДа. Он был скромен и деловит.

А что он делает в их городе? Приехал к другу, но поссорился, ушел в гостиницу, собирався улететь в Сочи, но встретил их дочь. На каком он курсе? На пятом, остался год. Пора было смыываться.

В аэропорту невеста смахнула слезку с некрасивого личика. Комоген рыцарственно надел ей на палец золотое колечко с александритом, купленное на последнюю сотню, и отбыл с уклончивыми обещаниями. Пусть сомневается в нем, не подозревая расчета.

Теперь требовались деньги, деньги, деньги! Комоген продумал варианты: украсть в гардеробе дубленку с вешалки, найти ростовщика и одолжить тысячу, устроиться в жэк сантехником и выжимать трешки из жильцов... Вскоре он орудовал заступом на кладбище: калымных доходов должно было хватить.

На ноябрьские он полетел к невесте. Жил у них дома. Со вздохом предупредил, что свадьба невозможна до возвращения родителей. Снизошел к ее горю – согласился подать заявление.

Рассеивая подозрения, Комоген показал фотографию «родителей», спертую у приятеля. Прочитал «их письмо», написанное под диктовку другим приятелем. Он был одет в «их подарки», купленные в комиссионке.

Через неделю после свадьбы Комоген похоронил родителей в авиационной катастрофе.

- Проходимец!.. – прорычал тесть за плотно закрытой дверью.
- Откуда я сначала знал, кто ее родители?
- Подонок!.. А когда узнал, то что?
- Испугался, что для вас это неравный брак.
- Почему не сказал правду? Мы что, феодалы?
- У вас будет внук.

Тесть отвесил зятю затрещину, сунул в рот валидол и рухнул в кресло. Комоген твердой рукой вел корабль своей карьеры сквозь предусмотренную грозу. Он заплакал и склонил повинную голову под меч: «Я не откажусь от любви... Никогда не приму от вас ни копейки... Можете вышвырнуть меня вон...»

- Вышвырнуть! А ребенок? А люди что скажут? А обо мне ты подумал?

По здравом размышлении, щадя самолюбие и во избежание пересудов, легенду Комогена решено было вслух поддерживать. Будущее молодой семьи подверглось нелегкому обсуждению и оказалось совсем не столь мрачным. Новый родственник рассуждал здраво. «А, разве не часто молодые честолюбцы хватались за выгодных невест...»

- Я в жизни многого добьюсь, не разочаруетесь.

После второго курса он перевелся на местный юрфак.

Ему исполнилось двадцать четыре, и все слагаемые карьеры теперь наличествовали: биография, личные данные, родственные связи, начальная зацепка. Он ощутил под ногами твердую почву для разбега и взлета; холодное пламя успеха сжигало его.

Взрослый мужчина, он смотрел на наивных сокурсников с затаенным превосходством. Его уважали, признавая его достоинства. Он был прост и открыт, скромен, но солиден, он перевелся «по семейным обстоятельствам» из столичного университета, о чем тонко напоминал, не хвастая. Он грамотно одевался, весомо молчал, незаметно льстил, убежденно поддакивал. Он усвоил, что главное для карьеры – это умение произвести наивыгоднейшее впечатление на тех, от кого зависит твое продвижение.

Ему нравилось думать о себе, как об отлаженном механизме для делания карьеры. Больше он ничего не умел и не хотел.

Он зубрил самое необходимое, не стараясь понимать. Налегал на общественные дисциплины. Не пропускал ни одной лекции, ни одного мероприятия. И неизменно выступал на собраниях. Клеймил прогульщиков, требовал ответственнее проводить политинформации, ратовал за борьбу со шпаргалками и призывал активизировать работу народной дружины.

К весне, присмотревшись, его кооптировали в партбюро курса. Ввели в контрольную комсомольскую комиссию факультетского комитета ВЛКСМ. Летом в стройотряде он, с учетом опыта, был поставлен комиссаром.

На четвертом курсе его избрали вторым секретарем факультета. Он привел отчетность в ошеломительный порядок, расписав все от и до. Того же добился от курсовых бюро. Итоги соцсоревнования подвели по отчетным документам – юрфак занял первое место. Комоген поделился успехами на университетской конференции. Летом он выехал на стройку комиссаром сводного университетского отряда. Согласно отчетности, культмассовая и политико-пропагандистская работа в отряде была поднята на небывалую высоту. Отряд получил районное знамя. Комоген удостоился еще одной грамоты и благодарности в личном деле. Осенью он был избран в университетский комитет. К юбилею Октября последовали некоторые награждения; заслуги Комогена выглядели столь неоспоримыми, что он получил «Знак Почета». Нельзя поклясться, что тесть никак не приложил к этому руку.

Ему требовалось продлить свое пребывание в студентах, и он взял академотпуск, мотивируя занятостью на комсомольско-партийной работе. В эту работу он ушел целиком, всеми силами добиваясь максимальной **видимости результата**. Он был прям, как столб, и положитель, как букварь. В двадцать восемь лет он стал первым секретарем университетского коми-

тета, приравненного в правах к райкому, – освобожденная должность. В двадцать девять его перевели в обком.

И, выйдя на прямую линию, он попер, как танк по шоссе. До мозга костей он проникся гениальностью бюрократизма: вниз передается бумажный водопад директив, вверх – встречный поток сведений об их успешном и досрочном выполнении.

Как только начались разговоры о мелиорации, он тут же загромычал лозунгами, заглушая робкие трезвые голоса, ссылающиеся на природу и науку: мол, у нас не те места. Комоген рьяно принялся за дело, угрожая тридцать миллионов рублей и загубив территорию площадью с Бельгию; на месте болот образовалась торфяная выветривающаяся пустыня, а ряд мелких речек пересох навсегда, что немедленно сказалось на урожае. Но Комоген успел подняться на две ступеньки по служебной лестнице, а за победные, фанфарозвучные доклады получил орден.

Одиннадцать миллионов стоил скоростной трамвай. Гигантская канава через весь город осталась памятником нелепой затее: городу не был нужен скоростной трамвай, да и грунты оказались тверже, чем обещала наиэкономичнейшая, как водится, принятая смета.

Он запросто решил квартирный вопрос путем вселения двух-трех одиноких людей в двух- и трехкомнатные квартиры. Через два года неблагодарные одиночки переженились, родили детей и прописали родню, так что очередь разбухла вдвое против прежнего. Но Комоген успел вовремя отрапортовать наверх и, как работник расторопный и умелый, был переведен с очередным повышением.

...Ну, значит, в командировке покупаю я местную газетку, на первой странице фото: «Такой-то и такой-то Геннадий Петрович Юкин выступил с речью перед собравшимися». Смотрю я на это лицо... фамилия редкая, и имя сходится, и возраст подходящий, и сходство чудится. Вот, думаю, сказочка была бы...

Взял в справочном номер, позвонил. Секретарша допрашивает строго: кто, что, по какому вопросу. Доложите срочно, рублю командным голосом, доктор Звягин оттуда-то. Лечил его в восьмом классе, остальное Гена сам знает. Через минуту соединяет.

– Леонид Борисович?

– Так точно. Хочу с вами встретиться, если найдете время.

– Вы надолго? Так... Остановились где?

– В гарнизонной гостинице.

– В пять будьте у подъезда, пришлю за вами машину. – Бряк трубку – отбой.

Ты понял? Моими планами он даже не поинтересовался. Стиль общения – приказной. И обижаться нельзя – проявил знак высочайшего ко мне расположения.

В пять подруливает, презирая правила движения, черная «Волга» с занавесочками, на номере – три нуля и единица. Шофер вышколен – дверцу распахивает, и он как бы естественно наклоняется при этом, а как бы и кланяется из огромного почтения к гостю **самого**.

А разукрашен город – куда там ВДНХ: плакаты, лозунги, транспаранты, призывы: «Городжанин! Коль ты душой хорош – благоустраивай город, в котором живешь!»

Из подъезда выходит встречающий, делает посольский жест и эскортирует меня по мраморной лестнице, устланной ковровой дорожкой. В приемной, среди дубовых панелей и кожаной мебели, встает секретарша – эдакая кинозвезда по стойке смирно, глазищами ест, и выражают глазища безмерную преданность и готовность исполнить любые мои желания по первому же намеку.

И вот с тяжелой плавностью плиты, обнажающей жерло ракетной шахты, отходит последняя дверь. Ну антураж, ну интерьер, ну Комоген!..

В огромном затененном кабинете, за массивным полированным столом, в темно-сером дорогом костюме, в ослепительной сорочке с безукоризненным галстуком, с сановной благо-

желательностью на лице сидит **император**. Буквально воздух проникнут его значительностью. В первый момент я бы не удивился, увидев на стене портрет Наполеона.

– Прошу, – произносит он поставленным голосом. И слегка указывает на стул у другого стола, примыкающего к его столу буквой «Т».

– Здравствуйте, Геннадий Петрович, – говорю я и жду, как он отреагирует на обращение по имени-отчеству. Принял как должное.

– Здравствуй, Лень, – и руку протягивает, не вставая. – А чего ты в форме?

Я ваньку валяю, докладываю по уставу: так, мол, и так, по окончании института был призван в ряды Вооруженных Сил, направлен в воздушно-десантные, хирург медсанбата майор Звягин в служебной командировке.

– Да, – кивает, – как судьба-то не сложилась. А ведь помню, блестящие надежды подавал. Думал, ты уже профессорствуешь. Какой у тебя ко мне вопрос?

– Никакого, Геннадий Петрович. Случайно увидел портрет в газете, вспомнил, порадовался, захотел поздравить вас...

Он в селектор:

– Меня нет. – И мне: – Ну пошли, посидим.

В панели у него незаметная дверь, а за ней – будуар для отдыха: бар, стереоаппаратура, ванная-туалет. Утопает он в кресле, наливает коллекционного коньячку – наслаждается.

– Рад встрече, Лешенька. Приятно иногда вспомнить, с чего начинал. Оглянешься – и не верится, какую крутизну одолел. А сколько еще впереди!..

– Да, – говорю, – я сразу в вас разглядел большого человека, Геннадий Петрович.

– Я тогда несчастный пацан был, щенок мокрохвостый. Годами, годами себя в кулаке держал! По пять часов спать научился, выступления наизусть перед зеркалом заучивал. Другие молодость повеселились, а я работал, как каторжный.

Направление беседы ясно: поддакиваю я, как умный дятел, а он отмякает мечтательно и говорит об единственном интересном ему и любимом предмете – о себе. Роли наши сменились, теперь главный он, а я – сознающий его превосходство благодарный слушатель, это ему приятно, и поглядывает он на меня с искренним расположением, почти как на младшего друга.

– А съездим-ка мы с тобой в баньку! Ты каких девочек предпочитаешь?

– Спасибо, Геннадий Петрович, хотелось бы просто с вами поговорить еще. Я завтра с утра на базу «Медтехники», в комендатуру – и на вокзал, убываю. Жалко времени.

Банька за городом, у речки, снаружи неказистая, изнутри – люкс. Камин уже пылает, сауна прогрета. Шофер в машине у ворот остался.

Ночь, коньяк, воспоминания – рассказывает Комоген о своем славном пути.

– Как наивен ты был тогда, Лешенька. Как примитивно представлял себе путь наверх. Сейчас я бы мог прочитать тебе курс технологии карьеры, да закваска в тебе не та.

– Прочитайте, Геннадий Петрович, буду благодарен за урок.

Вызывает он звонком шофера и приказывает привезти из дому синюю папку из верхнего правого ящика письменного стола.

Часа полтора читал я его заветные записи, а он попивал «Наполеон», покуривал «Кент» и комментировал:

– Салага был твой Макиавелли!

«3. Позаботься о первом впечатлении о себе: оно многое определит. Ты не должен давать поводов для зависти, жалости или опасений. Будь собранием добродетелей – не подчеркивая, лишен пороков – неприметно. Не торопись – промах в начале пути тяжело исправим».

«5. Изучайте нужных людей. Узнай все: его семья, прошлое, привычки, вкусы, болезни, увлечения, симпатии и антипатии, враги и друзья, слабости и пороки. Пойми, чего он хочет и не хочет, любит, боится, уважает,

ненавидит. Надо знать, каков он на самом деле, каким представляет себя, каким его представляют другие. Только тогда можно вызвать у него нужную реакцию...»

«9. Лесть должна казаться человеку правдой. Любую лесть проглотят, если уверены в вашем уме, доброжелательности, компетентности, бескорыстии. Открытое восхваление раскроет умному человеку твой расчет... “Случайная лесть” – льстить за глаза так, чтоб человек “случайно” это подслушал. “Косвенная лесть” – как бы передавать человеку мнение других, особенно тех, к кому он прислушался бы. “Рикошетная лесть” – льстить за глаза с расчетом, что близкие люди ему передадут...»

«10. Умелая клевета неуязвима. Анонимки и организованные лжесвидетели... Провоцировать на неосторожный ответ... Объяснять его поступки низкими побуждениями... Осуждать “человеческий слух”, излагая его содержание. Защищать человека от слуха, рассказывая ему таковой...»

«11. Искусство интриги состоит в том, чтобы определить нужных людей, знать, как они поступят при соответствующих условиях и обстоятельствах, и эти поступки соединить, как звенья в цепь, идущую от тебя к твоей цели. Преимущество интриги состоит в том, что люди несравненно более могущественные, чем ты, добиваются твоих интересов со всем напором, полагая, что действуют в интересах собственных. Безопасность интриги заключается в том, что ко всему происходящему вы якобы не имеете отношения...»

«19. Избавляться от всех конкурентов: явных, скрытых и потенциальных. Возлагать на них ответственность за явно невыполнимое дело. Поощрять их ошибочные действия до полного конфуза и провала. Успехи замалчивать, недостатки раздувать. Провоцировать на грубости и проступки. Справлять между собой. Дергать по пустякам, мотать нервы...»

«26. Не будь мстителен и злопамятен: это отвлекает силы от пути наверх. Напротив, великодушные располагают к тебе...»

«44. Умей внушать страх: люди ценят доброе расположение того, за кем знают силу и власть смять их, кого боялись бы иметь врагом, – но пренебрегают тем, кто всегда добр и не может быть им опасен...»

«46. Демонстрируй справедливость и доброту, публично помогая несчастным, которые мелки и абсолютно неопасны, жалея окружающими и будут славить тебя потом всю жизнь...»

Скинул он махровую простынку, потрепал покровительственно меня по загривку, плеснул в бокалы: «За силу сильных!» Пошли в парилку, сели на полок.

– О чем задумался?

– О том, что если бы не все люди, которые тебе помогали, начиная с меня, то остался бы ты мерзавцем куда более мелким...

– Что-о?! – Улыбнулся он опасно так, зловеще.

– Комоген, – говорю, – дрянцо, ты меня помнишь, мое слово верное. Как я скажу – так и будет. А будет с тобой знаешь что?

Он побелел, задышал часто.

– Ну-ну... Повякай, майор, пока я позволяю.

– Раньше или позже снимут тебя отовсюду со страшным треском. Или хватит тебя от волнений кондрашка во время проверки из Москвы. Или разобьешься в автомобильной катастрофе.

– Это вряд ли. А твое будущее могу, могу предсказать, Лешенька. Я тебя уничтожу, – обещает голосом ласковым и сдавленным.

– А самая главная твоя беда, Комоген, – это то, что ты меня встретил. Потому что меня учили не дожидаться милостей от природы. И сделаю я сейчас следующее. Врублю регулятор до отказа, чтоб нагрелось тут градусов до ста пятидесяти, скручу ручки за спину, прикрою тебе рот – и подержу, пока не станет на свете одним подлецом меньше. А потом вызову «скорую». И чин-чинарем: злоупотребил коньячком и перепарился, обычное дело.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.